

№ 4 (454) Париж
20 января 1934 г.
Цѣна отд. № - 3 фр.

71-1.--91
SPR-DALNA

LA RUSSIE ILLUSTRÉE
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
РОССІЯ

OLGA
KLEIN

Национальная Лотерея

Продажа 5, 6, 7, 8 и 9-го выпусковъ

Цѣлыми билетами, половинами
четвертями и десятыми частями

ТРЕБУЙТЕ ПРОСПЕКТЫ

Всѣ порученія въ Россію

A. GODOVANNIKOFF 30, Quai de Passy, PARIS-16^e
Téléph. : JASMIN 01-50 Métro : PASSY
КОНТОРА ОТКРЫТА отъ 9 час. до 9 час. вечера безъ перерыва,
не исключая субботы и воскресеній

ТОЛЬКО НАША ФИРМА

AGENCE GENERALE « LUTETIA »

24, Rue Caumartin. Tél.: Opéra 82-73.

ПРЕДОСТАВЛЯЕТЪ ВАМЪ ВОЗМОЖНОСТЬ УЧАСТВОВАТЬ НА ЛЬГОТНЫХЪ
УСЛОВІЯХЪ

ВО ФРАНЦУЗСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛОТЕРЕЕ

ПО ЦѢНѢ 1/10 ЧАСТИ БИЛЕТА ЛЮБОГО ВЫПУСКА ПО 11 и 14 frs.

ТАМЪ ЖЕ ПРОДАЖА БИЛЕТОВЪ ЦѢЛЫМИ, ПОЛОВИНАМИ И ЧЕТВЕРТЯМИ.
КОНТОРА ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО ОТЪ 9-ТИ ЧАС. УТРА ДО 8-МИ ВЕЧЕРА БЕЗЪ
ПЕРЕРЫВА. ВОСКР. И ПРАЗД. ОТЪ 2 ДО 7 ВЕЧЕРА.

ИНОГОРОДНІЕ ПЛАТЯТЪ НА 2 ФР. ДОРОЖЕ.
ПРИ ПИСЬМЕННЫХЪ ЗАПРОСАХЪ, ПРИЛАГАТЬ МАРКУ НА ОТВѢТЪ.

„LE PRADO“ 41, avenue de Wagram,
tél. Etoile 23-30

Ежедневно отъ 4 до 7 часовъ дня

Вѣнскій оркестръ МОРИЦА ВАЛЬЦЕРА съ его 15 виртуозами.

КОЛОССАЛЬНЫЙ УСПѢХЪ

Георгій Чернояровъ съ его ансамблемъ при участіи солистовъ :

НАГАЧЕВСКАГО, ЗАХАРОВА, ПОШИВАЙЛО И МАРМИЖЪ,
начиная съ 8 час. 30 мин. вечера.

Consommation à partir de 5 frs.

CAVEAU CAUCASIEN

Самое старое и уютное кабарэ Парижа.

54, RUE RIGALLE. TEL.: TRINITE 38-97

НАТАША КУЗНЕЦОВА, РУФАТЬ-БЕЙ-ХАЛИЛОВЪ, МАКСИ-
МОВЪ, В. МИХАЙЛОВЪ, ТРІО РАЙНА. Цыганск. оркестръ
ЛАЗАРЬ ПОПЕСКО.

A. H. ВЕРТИНСКІЙ
НЮРА МАСАЛЬСКАЯ

Баръ. Шампанское не обязательно. Откр. съ 11 час. вечера.
Дирекція ИРАКЛИ ГУРУЛИ.

ВСТРѢЧА НОВАГО ГОДА. Ужинъ. Подарки. Котильонъ.

Banque Industrielle du Centre

85, rue Richelieu, 85, Paris (2e)

Tél.: Louvre 09-11 et Centr. 35-67

Всѣ банковскія операціи

Старѣйшій банкъ во Франціи ПО ВЫ-
ПОЛНЕНІЮ ВСЯКИХЪ ПОРУЧЕНІИ ВЪ
РОССІЮ. Переводы и чеки на «Торг-
синъ». Продажа билетовъ ФРАНЦУЗ-
СКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛОТЕРЕИ. Цѣ-
на билета 100 фр. и 5 фр. почтовые рас-
ходы. Розыгрышъ до марта 1934 г.

Продажа 1/10 части билета .. 13 фр.

1/4 билета 32 фр.

1/10 книжки въ 10 билетовъ .. 125 фр.

Почтовые расходы 5 фр.

ДѢЛАЙТЕ СБЕРЕЖЕНІЯ, покупая га-
рантированныя французскимъ прави-
тельствомъ выигрышныя съ % облига-
ціи «Crédit National», «Crédit Fon-
cier», «Ville de Paris» и др. Выигры-
ши 1.000.000 франк. ежемѣсячно. Рус-
скіе проспекты безплатно. Корреспон-
денція по-русски.

S. A. P. E. C.

Société Auxiliaire de Financement
Pour l'Expansion Commerciale

44, rue de la Boétie, Paris (8e).

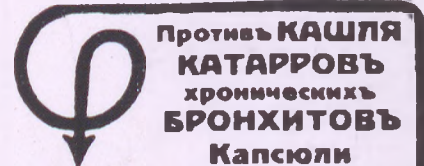
Tél.: Elysées 89-40.

КРЕДИТЪ подъ брилліанты, золото и др.
цѣнности, а также подъ коммерческіе
векселя.

Помогаетъ ВЫКУПУ ломбардныхъ кви-
танцій.

ПОКУПАЕТЪ и ПЛАТИТЪ ДОРОЖЕ
ВСѢХЪ.

Приемъ отъ 9 до 12 час. и отъ 2 до 7 час.

Противъ КАШЛЯ
КАТАРРОВЪ
хроническихъ
БРОНХИТОВЪ
Капсули

GOUTTES
LIVONIENNES

TROUETTE-PERRET

Въ продажѣ во всѣхъ аптекахъ

Оптово-розн. колб. и гастрон. магазинъ

И. РОСТОВЦЕВЪ

28, r. de la Reine-Blanche, Paris (13e).
M-ro Gobelins. Tél.: Gobelins 23-08.

Водка, наливки, рябиновая, хрѣнъ, киль-
ки, шпроты и др. Ветчина, запеч. безъ
кости ф. 12 фр. Малосолн. сельди въ
банкахъ отъ 15 шт., въ бочкахъ отъ 200
шт., а также и поштучно.

Отправка въ провинцію и за границу.

Если вы хотите помѣстить Ваше объявленіе
въ «Иллюстрир. Россію», позвоните по тел.
BAIZAS 19-52 и къ Вамъ немедленно
явится агентъ отд. объявленій.

При этомъ номерѣ всѣмъ подписчикамъ съ приложеніями рассылаются двѣ книги «Литературныхъ приложеній»: Вел. Кн. Александръ Михайловичъ «Книга воспоминаній» т. III и I книга Полн. собр. соч. Ф. М. Достоевскаго за 1934 г.

Александръ Салтыковъ

Московскій Университетъ

въ 1890 - 1895 г. г.

Въ издательствѣ «Свѣча» (Парижъ) вышелъ Сборникъ воспоминаній, посвященный памяти русскаго студенчества. Книга содержитъ рядъ интереснѣйшихъ воспоминаній и очерковъ Мих. Осоргина, С. К. Сочивко, проф. Е. В. Аничкова, Сергѣя Е—ва, Г. Б. Слюзберга, А. Салтыкова, проф. В. Б. Ельяшевича, А. Крапивина, кн. С. Волконскаго, проф. И. Алексинскаго, проф. Агаджаняна, Б. Н. Бѣляева, Е. Бакуниной, Л. В. Гойера, К. Гринвальда, А. Матвѣва и Р. М. Ловягина изъ жизни нашихъ университетовъ. Въ ознаменованіе славной годовщины основанія Московскаго университета, мы, съ разрѣшенія издательства «Свѣча», считаемъ пріятнымъ долгомъ ознакомить читателей съ выдержками изъ нѣкоторыхъ статей этого превосходнаго сборника и его горячо рекомендовать всѣмъ, кто привыкъ въ нашихъ университетахъ видѣть одинъ изъ главныхъ устоевъ великой русской культуры.

го — Боголѣповскій курсъ его исторіи.

Но не только этотъ курсъ, но и сама личность Боголѣнова раскрывала, подъ виѣшней видимостью «тусклости», — очень богатое содержаніе. Это былъ, въ полномъ смыслѣ слова, человекъ долга, человекъ — что не такъ часто случалось въ Россіи — принимавшій съ серьезъ то, что считалъ своимъ долгомъ, и никогда не отступившій отъ него. Поэтому-то онъ, весьма добрый въ частной жизни человекъ, былъ грознѣйшимъ экзаменаторомъ. Экзаменъ по исторіи римскаго права (при переходѣ съ перваго курса на второй) справедливо почитался самымъ труднымъ изъ всѣхъ университетскихъ экзаменовъ. Какъ помнится, не болѣе половины студентовъ выдерживало его. Въ дѣйствительности, именно этотъ экзаменъ рѣшалъ всю дальнѣйшую академическую судьбу студента. Выдержавшій экзаменъ у Боголѣнова — могъ вполне надѣяться, что онъ окончитъ успѣшно университетскій курсъ.

Эти Боголѣповскіе экзамены давали поводъ къ многочисленнымъ анекдотамъ, характеризовавшимъ «безжалостность» профессора. И онъ дѣйствительно бывалъ «безжалостнымъ», но именно въ томъ смыслѣ, что никогда не отступалъ отъ того, въ чемъ видѣлъ свой долгъ. Такъ, рассказывали, что онъ однажды «провалилъ» (на государственномъ экзаменѣ) одного юношу, единственнаго кормильца семьи и которому надо было по что бы то ни стало окончить курсъ и получить дипломъ. Мать проваливашагося, бѣдная женщина, рѣшилась тогда поѣхать къ профессору и умолять его войти въ ея поло-

женіе и поставить ея сыну удовлетворительный баллъ. Рассказывали, что Николай Павловичъ слушалъ ее съ сердечнымъ содраганіемъ, вполне ей сочувствовалъ и сказалъ ей, что всѣми силами радъ бы былъ ей помочь. Но переправить поставленный ея сыну баллъ — онъ отказался на отрѣзъ. «Поми-луйте, — будто-бы сказалъ онъ, ломая руки: онъ mûrçum не зналъ!...» Эта ссылка на незнаніе студентомъ одного изъ такъ называемыхъ «реальныхъ договоровъ» третьяго періода римскаго права, конечно, не показала убѣдительно матери, простой женщины, не имѣвшей понятія о римскомъ правѣ. И анекдотъ этотъ именно ходилъ въ видѣ иллюстраціи «отрѣшенности отъ жизни» и нечеловѣчной схематичности мышленія формалиста — профессора, «человѣка въ футлярѣ».

Лично во мнѣ онъ вызвалъ, съ самаго начала, не очень-то добрыя чувства... На одной изъ первыхъ лекцій онъ намъ объявилъ, что будетъ все время провѣрять нашу работу — путемъ вызова отдѣльныхъ студентовъ и выслушиванія ихъ отвѣтовъ. Это означало превращеніе профессорской лекціи въ нѣкій «семинаръ», а еще болѣе походило на гимназическое «задаваніе уроковъ». Легко себѣ представить недовольство, вызванное среди студентовъ этимъ заявленіемъ профессора. Дая того-ли мы окончили гимназію и превратились въ студентовъ, чтобы вновь стать гимназистами? И какъ разъ въ тоже время профессоръ Звѣревъ (читавшій энциклопедію права) величалъ насъ на лекціи милостивыми государями, что довольно пріятно

Наиболѣе яркими и цѣльными фигурами нашей профессорской коллегіи были, несомнѣнно, профессора Боголѣповъ и Гамбаровъ.

Правда, слово «яркій» трудно приложимо, на первый взглядъ, къ сановному (уже по самой фигурѣ), «ггератическому», сдержанному въ рѣчи и медленному въ движеніяхъ — Ник. Павл. Боголѣпову (впоследствии, министр народнаго просвѣщенія, погибшій отъ руки революціонера). Отъ Боголѣпова, отъ всей его фигуры, да и отъ самихъ его лекцій, отъ метода его преподаванія, вѣяло скорѣе нѣкоторою «тусклостью», чѣмъ «яркостью». Отъ его фигуры вѣяло нѣкою, переливавшейся черезъ края, основательностью, дѣловитостью, уравновѣшенностью, спокойствіемъ, атароксіей и нѣмецкой Sachlichkeit.

Все это насъ, молодыхъ студентовъ, отнюдь не цѣлило. Образъ Николая Павловича, образъ осторожной размѣренности, именно создавалъ впечатлѣніе тусклости и нѣсколько отталкивало отъ себя. Тусклымъ, излишне сухимъ и «чопорнымъ», даже отдающимъ нѣкимъ сугубо пуританскимъ духомъ, — казался и его курсъ исторіи римскаго права. Боголѣповъ, казалось, ничего не дѣлалъ, чтобы украсить, оживить этотъ курсъ. Только понемногу, очень постепенно, раскрылось содержаніе этого курса. И возвращаясь къ вопросу: что далъ мнѣ университетъ? — я нынѣ безъ колебанія отвѣчу: самое цѣнное, что мнѣ дало пребываніе въ университетѣ, мнѣ дали изученія римскаго права и прежде все-

Московский Университетъ.

щекотало наше самолюбие студентовъ-первокурсниковъ. И вдругъ этихъ «милостивыхъ государей», взрослыхъ людей, хотять вновь засадить за гимназическую указку!...

Боголѣповскій проэктъ вызвалъ среди студентовъ большое волненіе. До «беспорядковъ» дѣло не дошло, но, помнится, какая-то депутація ходила къ декану Легонину. Борьба съ Боголѣповымъ была тѣмъ труднѣе, что онъ былъ одновременно и ректоромъ, т. е. представлялъ собою высшую университетскую инстанцію. Вдобавокъ, проэктированное имъ измѣненіе преподаванія сопровождалось и введеніемъ нѣкоторыхъ «санкцій». Посѣщеніе лекцій студентами, являвшееся предисловіемъ осуществленія проэкта лекцій-семинара и ставшее, такимъ образомъ, обязательнымъ, стало провѣряться педелями.

Я питалъ уже въ ранней молодости большое отвращеніе ко всякимъ «коллективнымъ» протестамъ. Я не принималъ никакого участія ни въ какихъ «депутаціяхъ», вообще въ коллективныхъ обсужденіяхъ данного вопроса. Однако не потому, что сочувствовалъ «затѣѣ» Боголѣпова. Напротивъ: она въ высшей степени возмущала меня. Но я нашелъ не «коллективный», а индивидуальный выходъ изъ положенія. А именно твердо рѣшилъ — не посѣщать Боголѣповскихъ лекцій. Помнится, и всѣ мои товарищи-поливановцы пришли къ тому же рѣшенію.

Намъ грозили, что нашъ «абсентеизмъ» поведетъ къ тому, что Боголѣповъ не пропуститъ насъ на экзаменѣ (о чемъ онъ будто бы прямо заявилъ на одной изъ лекцій). Чтобы «не дразнить черта», мы рѣшили давать нѣкоторую небольшую мзду педелямъ — съ тѣмъ, чтобы онъ отмѣчалъ насъ присутствующими. Но такъ и не пошли ни на одинъ изъ «семинаровъ». Я уже не помню хорошенько, какъ и когда окончилась эта «гимназическая» затѣя Боголѣпова. Не помню

именно потому, что не принималъ въ ея осуществленіи ни малѣйшаго участія. Кажется, она длилась втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Но потомъ все дѣло, помнится, сошло на нѣтъ. Ему видимо не сочувствовали другіе профессора. Да и по существу идея Боголѣпова едва-ли была удачна. Этими словами я отнюдь не хочу опорочить метода «семинара». Но какъ разъ студенты-первокурсники должны были оказаться весьма малоподходящимъ для данной цѣли матеріаломъ. Съ другой же стороны превращеніе студентовъ въ гимназистовъ, также едва ли являлось цѣлесообразнымъ. Большая психологическая ошибка — не считаться съ внѣшне-престижными элементами любого «званія».

Какъ-же отразилась наша «фронда» — на экзаменѣ по исторіи Римскаго права? Да никакъ! Или, лучше сказать, она привела къ великолѣпному результату. Всѣ мы студенты-поливановцы, блестяще сдали экзаменъ у Боголѣпова, хотя и не посѣщали его лекцій. Правда, мы хорошо усвоили его курсъ.

Сущую противоположность Боголѣпову представлялъ профессоръ Гамбаровъ, читавшій общій курсъ гражданскаго права. Насколько лекціи перваго были системною, умственно дисциплинирою, настолько же второй привлекалъ «полетомъ мысли». Насколько первый былъ методиченъ, остороженъ, основателенъ, настолько же второй былъ «блестящъ» и кипучъ. Въ наукѣ права Боголѣповъ былъ традиционалистомъ, а Гамбаровъ — новаторомъ и при томъ довольно смѣлымъ. Его лекціи были чрезвычайно интересны. Наряду съ сухимъ и скуповатымъ изложеніемъ Боголѣпова, дававшимъ лишь *le strict nécessaire*, лекціи Гамбарова «увлекали». Я полагаю, что это дѣйствительно былъ наиболѣе талантливый изъ всѣхъ нашихъ профессоровъ. Увлекалъ и его конекъ:

общественный интересъ въ гражданскомъ правѣ, конекъ бывшій въ тѣ дни молодымъ и еще незабвеннымъ. Вспоминаю его конструкцію «юридическаго лица». Онъ конструировалъ его, какъ одну изъ формъ «общественнаго обладанія»: конструкція, дѣйствительно бывшая, насколько мнѣ извѣстно, плодомъ его оригинальной мысли. Увлекательны были и многіе его отдѣльные экскурсы, напр., о виндикаціи по древне-германскому праву. Правда, такіе экскурсы *de omni re scibili et quibusdam aliis* — придавали иногда его лекціямъ нѣсколько энциклопедическій характеръ. Но эта энциклопедія слушалась и читалась, какъ романъ. Вдобавокъ, послѣ «систематики» Боголѣпова, «физиономика» Гамбарова была полезна. Такъ оба эти профессора взаимно дополняли другъ друга.

О даровитости Гамбарова ходили многочисленные анекдоты. Онъ былъ по происхожденію армяниномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ любимымъ ученикомъ знаменитаго въ лѣтописяхъ университета романиста, профессора Никиты Крылова, который терпѣть не могъ армянъ. Крыловъ безжалостно проваливалъ ихъ на экзаменахъ. Когда пришлось экзаменоваться молодому Гамбарову, то Крыловъ, вызвавши его, прежде всего тщательно вывелъ единицу въ экзаменаціонномъ листкѣ.

— Ну, а теперь бери билетъ и отвѣчай.

По мѣрѣ отвѣта Гамбарова, оказавшагося блестящимъ, Крыловъ сталъ въ него внимательно вглядываться и, когда онъ его закончилъ, переправилъ поставленную «въ кредитъ» единицу на двойку. А затѣмъ сурово сказалъ ему:

— Бери другой билетъ...

Послѣ отвѣта на второй билетъ Крыловъ переправилъ двойку на тройку и вновь недовольнымъ тономъ сказалъ:

— Бери другой билетъ.

Когда же Гамбаровъ столь же блестяще отвѣтилъ и на третій билетъ, Крыловъ переправилъ тройку на четверку и началъ самъ самостоятельно задавать ему многочисленные вопросы по всему курсу. Въ концѣ концовъ онъ отпустилъ его, поставивъ ему пять съ плюсомъ. Этотъ случай будто бы и опредѣлилъ всю дальнѣйшую судьбу Гамбарова...

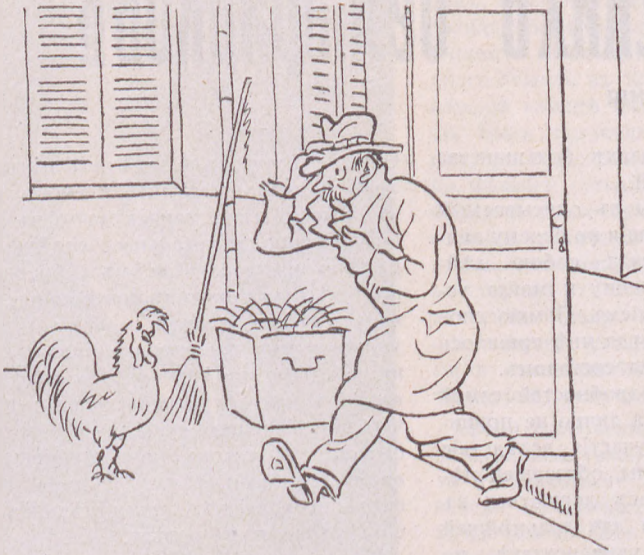
Впоследствии, когда академическую жизнь стала забывать «политика», Гамбаровъ ушелъ изъ Московскаго университета. Онъ ослепался въ Парижѣ, гдѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими русскими профессорами, сталъ читать лекціи въ учрежденной тамъ русской высшей школѣ... Но позже онъ вновь вернулся въ Россію и былъ профессоромъ въ Петербургскомъ Политехническомъ Институтѣ.

Александръ Салтыковъ.

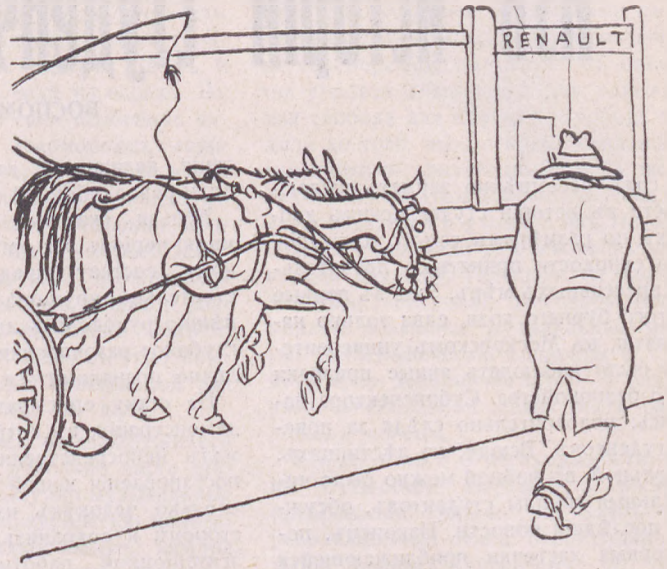

Чему мы должны учиться у животных...

Рис. Мад'а.

У пѣтуховъ — рано вставать.

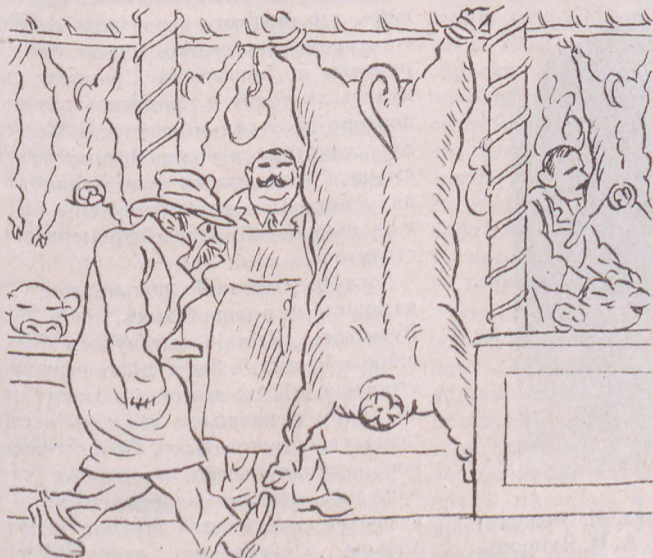
У лошадей — тянуть лямку.

У воробьевъ — довольствоваться малымъ.

У собакъ — собачьей жизни.

У воловь — позволять драть съ себя шкуру.

А у рыбъ — молчать, молчать, молчать...

Изъ исторіи студенческихъ беспорядковъ

ВОСПОМИНАНІЯ

I.

1903-ій годъ несомнѣнно займетъ выдающееся мѣсто въ исторіи студенческихъ движеній, какъ по размѣрамъ самого движенія, такъ и по суровости принятыхъ правительствомъ репрессивныхъ мѣръ. Уже въ первые мѣсяцы этого бурнаго года, едва только начались занятія, въ Московскомъ университетѣ можно было наблюдать явные признаки нѣкотораго безпокойства. Субинспектора насторожились, подозрительно слѣдя за поведеніемъ студентовъ. Всюду, на лѣстницахъ, въ раздѣвальной, въ чайной можно было видѣть отдѣльныя группы студентовъ, обсуждающихъ послѣднія новости. Наконецъ, появились первыя ласточки приближающейся студенческой весны — прокламаціи.

Волненіе росло и ширилось. Начались студенческія сходки, раздались обычныя въ такихъ случаяхъ рѣчи, и университетъ превратился въ одинъ сплошной, гудящій улей. На сцену выступила полиція и, какъ водится, только подлила масла въ огонь своими беспорядочными неумѣстными дѣйствіями. Руководство дальнѣйшимъ развитіемъ событій взялъ на себя т. н. исполнительный комитетъ, эта таинственная и загадочная органи-

зація, являвшаяся въ глазахъ большинства архи-революціонной силой.

Нельзя сказать, чтобы въ описываемый мною періодъ эта организація по своему личному составу представляла собою дѣйствительно крупную величину и могла успѣшно руководить движеніемъ. Помню свое глубокое разочарованіе, когда мнѣ пришлось лично познакомиться съ ея составомъ.

Не стану описывать подробностей самой демонстраціи, въ которой я лично не принималъ непосредственного участія вслѣдствіе постановленія нашей группы, обязавшей нѣсколько человекъ изъ насъ держаться въ сторонѣ и сохранить себя для дальнѣйшей агитаціонной работы въ университетѣ на тотъ случай, если демонстрація не соберетъ достаточнаго числа участниковъ. Демонстрація, однако, вышла грандіозной и кончилась избіеніемъ студентовъ и манежемъ. Будучи не въ состояніи выдерживать своей пассивной роли, я отправился къ университету и совершенно свободно проникъ въ него со стороны Никитской. Тамъ уже находилось не мало народа, и, увлекаемый толпой, я очутился на четвертомъ этажѣ зданія, выходящаго угломъ на Моховую и Никитскую.

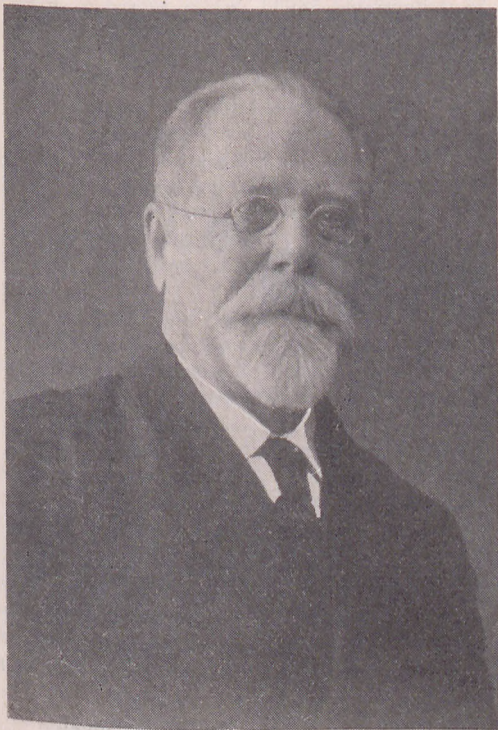
Среди студентовъ я замѣтилъ нѣсколько человекъ знакомыхъ мнѣ членовъ комитета, которые увлекли меня куда-то въ уголь, и, послѣ непродолжительнаго совѣщанія, было рѣшено предложить всѣмъ собравшимся, въ видѣ протеста противъ совершеннаго насилія надъ демонстрантами, остаться въ зданіи университета и забаррикадироваться въ занятыхъ нами помѣщеніяхъ. Былъ организованъ митингъ для обсужденія нашего предложенія, встрѣтившаго серьезныя возраженія со стороны студентовъ, но поступившее въ это время сообщеніе, что полиція арестуетъ всѣхъ, выходящихъ изъ помѣщенія, рѣшило вопросъ въ нашу пользу.

Съ лихорадочной быстротой принялись баррикадировать выходныя двери, используя съ этой цѣлью тяжелые столы. Меньше всего насъ безпокоила дверь, ведущая на лѣстницу. Она была обита толстымъ железомъ и запиралась на прочный замокъ. Я лично заперъ эту дверь и положилъ ключъ въ карманъ. Потомъ придвинули къ ней длинный столъ, на которомъ я, и еще одинъ членъ комитета, улеглись на ночь. Постепенно все затихло и я заснулъ глубокимъ сномъ, подложивъ шинель подъ голову. Вдругъ страшный трескъ заставилъ насъ вскочить на ноги. Казалось, что все зданіе рушится, но въ дѣйствительности трещала дверь, возлѣ которой мы спали. Я едва успѣлъ схватить со стола свою шинель, какъ массивная дверь съ грохотомъ распахнулась, и приставъ городского участка Ермоловъ вскочилъ на столъ и направилъ револьверъ на стоявшую передъ нимъ ошеломленную толпу. Слѣдомъ за Ермоловымъ въ аудиторію ворвались вооруженные городовые и пожарные съ горящими факелами въ рукахъ. Моментъ былъ потрясающимъ. Казалось, что вотъ-вотъ произойдетъ нѣчто ужасное, но въ эту самую минуту, въ наступившей тишинѣ, громко и отчетливо прозвучалъ чей-то изумительно спокойный голосъ: — «товарищи, у кого имѣется оружіе, бросайте на полъ!» Этотъ приказъ разомъ разрядилъ сгущенную атмосферу. Убѣдившись, что никакого серьезнаго сопротивленія со стороны студентовъ опасаться нечего, городовые по приказанію Ермолова смѣло ринулись въ толпу и принялись разбивать студентовъ на отдѣльныя группы. Кое-гдѣ между студентами и полицейскими возникла настоящая драка, но въ концѣ концовъ мы были усмирены и препровождены въ манежъ, уже очищенный къ тому времени отъ демонстрантовъ.

Глухой, холодной ночью, подъ охраной казаковъ и полицейскихъ, насъ повели въ Бутырки. Шестіе вытянулось безконечной широкой лентой. То и дѣло вспыхивала лестройная пѣсь, и тогда казаки врываются въ толпу и начинаютъ хлестать нагайками и правыхъ, и виноватыхъ. Происходило короткое замѣшательство, пустынные улицы оглашались криками избиваемыхъ и бранью казаковъ, послѣ чего шестіе направлялось дальше. Совершенно разбитыя и усталыя

Профессора Московскаго университета. Слѣва направо: проф. акад. И. Янжуль, его супруга писательница Е. Н. Янжуль, проф. М. М. Ковалевскій и проф. А. И. Чупровъ.

Проф. Н. Н. ГЛУБОКОВСКИЙ
Въ Софїи было торжественно отпраздновано семидесятипятлѣтіе со дня рожденія профессора С. Петербурскаго и Софійскаго ун-товъ и СПБ. Духовной Академіи Н. Н. Глубоковаго. Почтенный юбилляръ извѣстенъ своими выдающимися трудами (болѣе 40) по богословію и исторіи церкви.

лазки въ сосѣднія камеры за данью, словомъ являлись самымъ безпокойнымъ элементомъ. Неподалеку отъ нихъ расположились «желтобрюхіе», тоже довольно безпокойный народъ, назвавшіе себя такъ потому, что изъ солидарности съ заболѣвшимъ своимъ товарищемъ вымазали себѣ животы іодомъ и долго лежали въ такомъ видѣ на нарахъ. Въ каждой камерѣ имѣлось свое особенное чуло. Были «крокодилы», «скоморохи», «сурки», замѣчательные тѣмъ, что могли спать по цѣлымъ суткамъ, просыпаясь только къ обѣду и къ вечернему чаю. Особенно много было землячествъ, но были и строго замкнутые, революціонные кружки, державшіеся въ сторонѣ отъ студенческихъ забавъ и развлеченій. Члены этихъ кружковъ какъ-то очень быстро установили связь съ уголовными и стали снабжать ихъ нелегальной литературой, получаемой ими съ воли.

Среди заключенныхъ вскорѣ обнаружили пезаурядные таланты и довольно часто стали устраиваться литературно-музыкальные вечера. Наибольшею популярностью пользоваться разказчикъ Сладкопѣвцевъ, каждое выступленіе котораго вызывало бурю восторговъ. Миѣ не разъ приходилось слышать Сладкопѣвцева впослѣдствіи, но никогда онъ не былъ такъ хорошъ, такъ неподражаемо комиченъ, какъ въ Бутыркахъ, когда, стоя въ своемъ потертомъ съ обшмыганнымъ воротникомъ мундирчикѣ на очищенныхъ для него нарахъ, нечесаный и нескладный, онъ заставлялъ насъ кататься отъ смѣху, доводить до острыхъ спазмъ въ желудкѣ, до такого гомерическаго хохота, отъ котораго звенѣли стекла въ окнахъ. Громаднымъ успехомъ пользовался также и хоръ Бѣльскаго. Обѣ эти диковинки гастролировали изъ камеры въ камеру, чтобы дать возможность всѣмъ послушать ихъ.

Гулять насъ водили на дворъ, гдѣ находилась т. н. Пугачевская башня. Начиналась отчаянная возня, въ воздухѣ носились громадныя снѣжныя бомбы, попадая во всѣхъ, кто случайно подвернулся, составлялись хоры, которые безъ устали пѣли революціонныя пѣсни подъ окнами уголовныхъ, камеры которыхъ находились въ первомъ этажѣ. Для послѣднихъ эти студенческія прогулки представляли въ высшей степени интересное зрѣлище, и они тѣснились къ открытымъ окнамъ, не взирая на лютой морозъ. Одному изъ революціонныхъ кружковъ пришла идея заняться систематическою агитаціей среди уголовныхъ. Была устроена изъ снѣга высокая трибуна, съ которой и читались лекціи по разнымъ политическимъ вопросамъ. Лекціи эти пріобрѣли большую популярность и арестанты съ нетерпѣніемъ ждали нашего появленія во дворѣ. Начальство смотрѣло сквозь пальцы на всѣ эти выходы, совершенно не вмѣшиваясь въ нашу жизнь. Въ корридорахъ были, конечно, надзиратели, но ихъ какъ-то не замѣчали, и въ концѣ концовъ они до такой степени слились съ массой, что, вѣроятно, и сами чувствовали себя арестованными.

Эта безпечная, безалаберная жизнь продолжалась, насколько мнѣ помнится, свыше двухъ мѣсяцевъ. Однако, постепенно студентами стала овладѣвать замѣтная тревога. Возникалъ вопросъ, когда же конецъ всей этой прелести, и до какихъ поръ намѣрены держать насъ въ заключеніи? Казалось, что двухъ мѣсяцевъ вполне достаточно, чтобы пріобрѣсти славу героя и мученика и пора, наконецъ, выпускать всѣхъ на свободу. Словомъ, молодой организмъ начиналъ бунтовать, и этотъ бунтъ привелъ къ тяжелой катастрофѣ.

Послѣднія, немногія правила тюремнаго распорядка, какія еще продолжали соблюдаться, были въ одинъ прекрасный день признаны несомѣстимыми съ нашимъ достоинствомъ, и въ тюрьмѣ создано крайне своеобразное положеніе: съ одной стороны суровая дисциплина для однихъ и полная свобода для другихъ. Свобода эта доходила до того, что во время свиданій съ родственниками заключенные тутъ же на глазахъ у надзирателей переодѣвались въ одежду посѣтителей и уходили изъ тюрьмы, а посѣтители занимали ихъ мѣсто до слѣдующаго дня свиданія. Передачи не подвергались никакому контролю, благодаря чему въ камерахъ появились музыкальные инструменты, фотографическіе аппараты и т. п. предметы и, въ довершеніе всего, — вино. И вотъ этой своеобразной жизни былъ разомъ положенъ конецъ.

Кто то донесъ о распущенности, царившей въ Бутырской тюрьмѣ, о постепенномъ превращеніи тюрьмы въ одинъ сплошной революціонный очагъ. Было отдано распоряженіе внушить студентамъ, что они не въ домѣ отдыха, а въ тюрьмѣ и немедленно прекратить нарушеніе тюремныхъ правилъ. Началось съ того, что въ одинъ прекрасный день мы нашли нашу ораторскую трибуну на дворѣ разрушенной до основанія, а доступъ къ окнамъ прегражденнымъ длинною цѣпью вооруженныхъ винтовками солдатъ. При малѣйшей попыткѣ приблизиться къ окну слѣдовалъ окрикъ. Мы невольно растерялись, разбившись на группы, принялись обсуждать создавшееся положеніе. Чтобы показать свое пренебреженіе къ учиненному надъ нами насилію, нѣкоторые изъ насъ дружно и стройно затянули: «вы жертвою пали въ борьбѣ роковой», но при первыхъ же звукахъ пѣсни изъ противоположнаго подъѣзда, ведущаго въ камеры уголовныхъ, выскочилъ молоденькій пѣтушинаго вида офицерикъ и громко крикнулъ «молчать». Всѣ опѣшили. Въ это самое время пущенный кѣмъ то снѣжокъ угодили прямо въ лицо офицеру. Взбѣшенный этимъ офицеръ, что то скомандовалъ солдатамъ, и солдаты, быстро перестроившись, двинулись прямо на насъ. Началось паническое бѣгство. Кто посмѣлѣе столпился у дверей, не желая уходить со двора, но солдаты пустили въ ходъ приклады и загнали всѣхъ внутрь тюрьмы.

Тамъ творилось нѣчто неопишное. Совершенное насиліе требовало немедленнаго и внушительнаго протеста, но въ какую форму долженъ былъ вылиться этотъ протестъ, никто не зналъ. Было предложеніе устроить обструкцію и съ этой цѣлью переколотить всѣ нары, но оно не встрѣтило сочувствія, ибо такая форма протеста прежде всего ударила по намъ самимъ. Наибольшее число сторонниковъ собрало предложеніе устроить въ корридорахъ тюрьмы демонстрацію съ участіемъ уголовныхъ. Послѣдніе помѣщались въ боковомъ корпусѣ, и корридоръ ихъ отдѣлялся отъ нашего крѣпкой желѣзной рѣшеткой, возлѣ которой постоянно дежурилъ надзиратель.

Но привести этотъ планъ въ исполненіе намъ не пришлось. Утромъ всѣ двери, ведущія въ корридоры, оказались запертыми, а въ корридорахъ были размѣщены вооруженные солдаты. Возмущенію нашему не было предѣла. Разъяренные «дагомейцы» принялись дубасить въ двери тяжелыми табуретами, къ нимъ присоединились другія камеры, и поднялся такой адскій шумъ, что вся тюрьма пришла въ волненіе. Кто-то пустилъ

добрались мы, наконецъ, до Бутырокъ, гдѣ послѣ длительной переписки и были размѣщены по общимъ камерамъ третьяго этажа.

Когда утромъ я открылъ глаза, въ громадной, мрачной, какъ подземелье, и холодной камерѣ происходило такое столпотвореніе, что я долго не могъ придти въ себя. Гдѣ-то смѣялись, что-то пѣли, гдѣ-то громко спорили. Худой высокій студентъ у стѣны, неподалеку отъ меня, сосредоточенно уничтожалъ клоповъ, и это занятіе до такой степени заинтересовало меня, что я подошелъ поближе, но тотчасъ же отпрянулъ въ сторону отъ охватившаго меня отвращенія. Весь матрацъ и вся стѣна были буквально устланы насѣкомыми, и студентъ, снявъ съ него башмакъ, ожесточенно давилъ ихъ толстой подметкой. Проходившій мимо съ кипяткомъ товарищъ остановился, посмотрѣлъ и вдругъ выплеснулъ весь кипятокъ на стѣну. Ошпаренные клопы дождемъ посыпались на нары...

II.

Нѣсколько дней прошло въ перемѣщеніяхъ. Наконецъ, всѣ кое-какъ устроились отдѣльными группами и только тогда обнаружилось, что среди насъ было не мало шпионовъ въ студенческой формѣ, на которыхъ въ суетѣ никто не обратилъ вниманія и которые сразу исчезли, какъ только установилось дѣленіе на группы. Удивительное разнообразіе представляли эти послѣдніе. Въ моей камерѣ въ самомъ свѣтломъ углу у окна помѣстились т. н. «дагомейцы», состоявшіе исключительно изъ кавказцевъ и отличавшіеся крайне дикимъ и буйнымъ нравомъ. Никакихъ правилъ общежитія они не признавали. Пѣли, когда имъ приходило желаніе пѣть, хотя бы это было глубокой ночью, устраивали борьбу, во время которой сосѣди шарахались въ сторону, дѣлали вы-

А. Матвѣевъ

„Мертвецкая“

ИЗЪ СТУДЕНЧЕСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ

Небольшая комната — мертвецкая стала быстро наполняться и отъ импровизированнаго буфета Колошинъ и Кореневъ скоро были вытѣснены другими жаждущими.

По стѣнамъ, у небольшихъ столиковъ, уже сидѣло по нѣсколько студентовъ съ внушительными батареями бутылокъ пива.

— «И трупъ узрѣли обнаженный, рукой убійца искаженный»... — декламировалъ какой-то студентъ, поднимая пустую пивную бутылку.

— Прячь трупъ подъ столъ... — кричалъ другой.

— Нѣтъ, батенька, только эволюція, только постепенная и вѣрная подготовка массъ дастъ...

— Вамъ бы на виду у голодныхъ картошку садить, да уговаривать: подождите, моль, вырастетъ, а тогда и покушаете...

— А вы, своимъ терроромъ, своею революціонностью, многихъ накормили?

— Клоповъ по сибирскимъ тюрьмамъ...

— Одинъ выстрѣлъ это больше милліона вашихъ прокламацій...

— Подождите, товарищи, вводите вашъ споръ въ порядокъ дискуссіи...

— Выбирай председателя!...

— Выбирай!...

— Товарища Болдырева, Болдырева... — закричало хоромъ нѣсколько голосовъ.

Фигура въ синей косовороткѣ, подвязанной чернымъ жгутомъ съ кисточками, въ студенческихъ брюкахъ діагональ, съ головой, покрытой черной шапкой волосъ, пря-

слушь среди уголовныхъ, что студентовъ бьютъ, и они принялись ломать двери, чтобы идти къ намъ на выручку. Этотъ адъ длился нѣсколько минутъ, какъ вдругъ дверь въ камеру распахнулась и къ намъ ворвались солдаты во главѣ съ высокимъ офицеромъ съ саблей наголо. Началась драка, но солдаты, дѣйствуя прикладами, быстро оттѣснили насъ къ противоположной стѣнѣ и, выставивъ впередъ штыки, уничтожили всякую возможность дальнѣйшаго сопротивленія. Такъ простояли мы другъ противъ уже не помню сколько времени, пока, наконецъ, было отдано распоряженіе отвести солдатъ назадъ къ дверямъ, не выводя ихъ, однако, изъ камеръ. Въ этой обстановкѣ мы провели нѣсколько дней.

Сергѣй Е.—въ

дями, постоянно падающими на лобъ и глаза, и быстрыми, нервными движеніями отправилась къ мѣсту своего назначенія и взобралась на столъ. Чья то услужливая рука подала стулъ.

Усѣвшись на стулъ и попробовавъ всѣмъ корпусомъ прочность этого сооруженія, Болдыревъ спокойно заявилъ:

— Объявляю засѣданіе открытымъ. Принимаю запись ораторовъ.

— Подожди, Болдыревъ, я узнаю внизу, не ушелъ ли приставъ, — вмѣшался одинъ изъ распорядителей.

— По установившемуся обычаю полиція не имѣетъ права входить въ мертвецкую, — парировалъ Болдыревъ.

— Долой полицію, долой!... — заорало нѣсколько голосовъ.

— Прошу съ мѣстъ не говорить.

— Хорошій разговорчикъ, — орутъ какъ на перевозѣ, — острилъ кто то.

— Вниманіе, товарищи, слово принадлежитъ товарищу Сенѣ.

Молодой блондинъ, въ черной косовороткѣ съ кожанымъ широкимъ кушакомъ, вскочилъ на стулъ, стоявшій рядомъ съ импровизированной председательской трибуной.

— Товарищи, я призываю васъ выразить свой горячій протестъ той самодержавной власти, которая, задыхаясь въ безсильной злобѣ, убиваетъ молодую жизнь. Вчера въ Т-кую пересыльную тюрьму пригнали партію, въ сорокъ человекъ, нашихъ товарищей изъ Петербургскаго и Московскаго Университетовъ. Товарищи, самодержавная власть хочетъ задавить и задушить свободное слово, хочетъ отнять единственный даръ культуры...

— Долой самодержавіе! — закричалъ, вдругъ, мрачно настроенный студентъ, развалившійся у стола, заставленнаго бутылками.

— Долой, долой! — подхватили многіе.

— Товарищи, прошу съ мѣстъ не говорить, — урезонивалъ председательствующій.

— Слово оратору... — кричали въ толпѣ.

— Товарищи, — продолжалъ ораторъ, одобренный аудиторіей, — намъ хотятъ закрыть рты ссылками, нагайками, солдатчиной, а развѣ не понимаетъ самодержавная власть, что настанетъ моментъ, когда не хватитъ нагаекъ и фараоновъ, когда разобьетъ сила народная эти оковы и поднимется, под знамена социаль-демократіи, пролетаріатъ и революціонное крестьянство...

— «Огречемся отъ стараго міра...» — не запѣлъ, а завопилъ тотъ же развалившійся мрачный студентъ.

— Огрехнемъ его прахъ съ нашихъ ногъ», — подхватило нѣсколько голосовъ стоявшихъ у буфета, а вошедшій въ этотъ моментъ студентъ, какъ дирижеръ, подаль знакъ руками и вся мертвецкая, несмотря на махавшаго председателя, запѣла:

Намъ не нужно златого кумира, Ненавистенъ намъ царскій чертогъ...

— Прошу встать, прошу встать, — кричали нѣкоторые, но уже всѣ стояли, и зычными здоровыми голосами наполнилась мертвецкая.

Въ дверь, не вошли, а ворвались двое обезкураженныхъ, взволнованныхъ распорядителей и, бѣгая между поющими, старались удержать только ихъ форто:

— Пьяно, пьянissimo, тише, тише, — приставъ еще не ушелъ...

Несмотря на пятнадцати - градусный морозъ, въ мертвецкой температура баннаго полка. Чувствуется отсутствіе свѣжаго воздуха. Коллеги буфетчики работаютъ, обливаясь потомъ.

— Откройте окно!...

— Откройте окно...

Третій разъ просить не пришлось: двое оконъ мертвецкой были открыты настежь, а содержимое подоконниковъ — вата и опилки — сметены по угламъ.

Сейчасъ же на подоконникахъ усѣлось нѣсколько человекъ любителей «подышать».

Хоръ между тѣмъ началъ растриваться: многіе участники его разошлись, кто присѣлъ опять за столики продолжать пить пиво, кто отправился въ залъ танцовать. Отъ разговоровъ и выкриковъ въ мертвецкой стоялъ такой шумъ, что трудно было опредѣлить: происходитъ ли это митингъ, въ которомъ всѣ участники одновременно произносятъ свои рѣчи, или, просто, скопившаяся энергія находитъ себѣ выходъ въ напряженіи голосовыхъ связокъ.

Въ общемъ шумѣ входитъ студентъ технологъ — блондинъ съ круглымъ, мило улыбающимся лицомъ.

— Талантовъ, Талантовъ, куда пропалъ? — встрѣчаютъ его нѣсколько голосовъ.

Отвѣта Талантова не слышно, но съ сознаниемъ собственного достоинства, онъ принялъ равнодушно выраженія восторга и, похлопавъ по плечу нѣсколькихъ сидѣвшихъ товарищей, собрался уходить.

Его отступили...

— Талантовъ, спой граммономъ, спой, спой...

Эту просьбу услышала большая часть мерт-

вещкой, и крики «спой, спой» слышались со всех сторон.

— Ну, чортъ съ вами, — и Талантовъ былъ поднятъ и поставленъ на столъ.

Водворилась относительная тишина.

Талантовъ, зажавъ пальцемъ носъ, началъ издавать звуки похожіе, въ точности, на хрипящія, свистящія прелюди въ старыхъ грамофонахъ и, затѣмъ, подъ аккомпаниментъ собственного носа, запѣлъ высокимъ фальцетомъ, подражая Вяльцевой, — «Очи черныя»...

Его выступленіе продолжалось недолго. Не закончилъ онъ еще фразы: «Какъ люблю я васъ, какъ боюсь я васъ», какъ кто-то, стоящій у окна, крикнулъ:

— Человѣкъ упалъ...

Этотъ крикъ, какъ сигнальный звонокъ, какъ тревога на кораблѣ: «человѣкъ за бортомъ», — сразу преобразилъ всю мертвецкую. Въ общемъ шумѣ, значительно ослабшемъ, стали выдѣляться чьи-то распорядженія: «закройте окна», — «внизъ идите»,

— «въ клинику...»

— Что случилось? — спрашивали многіе.

— Калоша выпала...

— Какъ калоша?

— Да такъ, Митрій Колошинъ полетѣлъ внизъ,

— Что онъ, спать вздумалъ на подоконникѣ?

— Нѣтъ, это его Талантовъ своими «Очами» такъ поразилъ, что Колошинъ равновѣсіе потерялъ...

— Закройте окно, закройте, — кричали распорядители.

Талантовъ, воспользовавшись общей суматохой, исчезъ изъ мертвецкой.

Нѣсколько человѣкъ уже успѣли сбѣгать внизъ и сообщили, что въ обморочномъ состояніи Колошина увезли въ Университетскую Клинику.

Однако и это событіе не могло остановить раскочавшейся жизни мертвецкой. Она, хотя и доходила иногда до моментовъ максимальнаго проявленія своей силы, въ видѣ напряженія голосовыхъ связокъ, но энергія была еще въ запасѣ и расходиться никому не хотѣлось, тѣмъ болѣе, что оркестръ еще гремѣлъ въ залѣ.

— Бѣдный «Калоша», хоть и невысоко, но можетъ себѣ коробочку повредить, — спѣшите поставить свой діагнозъ медики...

— И позвоночникъ тоже...

— Да, спѣтъ теперь, мягко, — утѣшали нѣкоторые.

— Давай, Вася, на всякій случай за поминъ души Митрича полдюжины поставимъ...

— Давай, — и Вася, въ ярко красной сорочкѣ съ растегнутымъ воротомъ, началъ таскать отъ буфета къ столику бутылки пива. Наполнивъ янтарно пѣнящейся влажной стаканами, Вася всталъ въ позу и низкимъ басомъ протодьякона началъ:

— За упокой души раба Божьяго Дмитрія, Господу помолимся.

— Господи помилуй, — отвѣтили ему, по всемъ правиламъ церковнаго пѣснопѣнія, сидящіе за столомъ.

— Брось концунствовать! — крикнулъ кто-то.

— «Въ жертвою пали въ борьбѣ роковой», — раздавалось въ другомъ концѣ мертвецкой. Этотъ мотивъ подхватили многіе, и вся мертвецкая была покрыта мелодіей похороннаго марша. Пѣли его не съ чувствомъ грусти и печали, а скорѣе какъ революціонный маршъ, стараясь отгнать все слова, съ которыми связанъ былъ пылъ и духъ рево-

СТАРАЯ МОСКВА
На Петровкѣ.

люціонности. Пѣли опять не все строфы, а только начало, и, затѣмъ, отдѣльные голоса потонули въ общемъ шумѣ и говорѣ.

Въ каждомъ углу, у каждого столика порывались что-то спѣть, что-то сказать, казалось, что каждый хотѣлъ обратить на себя вниманіе.

Ахъ вы сѣни мои сѣни...

— вопилъ кто-то, имѣя желаніе вылить свою энергію въ популярной пляскѣ, и тутъ же надтреснутый тенорокъ заливался:

Изъ страны страны далекой,
Съ Волги матушки широкой...

У стойки двѣ фигуры, уставившись другъ на друга, со стаканами лива въ рукахъ, въ необыкновенно мрачныхъ тонахъ старались воспроизвести:

Укажи мнѣ такую обитель,
Гдѣ бы русскій мужикъ не страдалъ...

Но ихъ старанія были заглушены выдѣлившимся сильнымъ баритономъ:

Отъ зари до зари, чуть зажгутъ фонари
Вереницей студенты шатаются.
Они пьютъ и поютъ, разговоры ведутъ,
И еще кое чѣмъ занимаются...

И уже вся мертвецкая подхватила:

Вѣра чудная моя, Вѣра чудная моя,
Вѣра чудная моя,

Развлекаются...
Черезъ тумбу, тумбу, разъ,
Черезъ тумбу, тумбу два,
Черезъ тумбу, тумбу три...
Спотыкаются...

И припѣвъ «Вѣра чудная моя» варьировался поющими почти всеми женскими именами, а потому изъ припѣва образовался общій галдежъ, который незамѣтно смѣнилъ кончающуюся пѣснь.

Въ этотъ моментъ съ шумомъ отворилась дверь и, къ изумленію всехъ присутствующихъ, подъ руки былъ введенъ Колошинъ, только что совершившій свой безпримѣрный полетъ со второго этажа.

— Ура! Калоша, Колошинъ, Митричъ!... — завопили многіе и бросились выражать свой восторгъ и сочувствіе.

— Дежурный ассистентъ осмотрѣлъ... Говорить: — ерунда, кровоподтеками отдѣлается, — объяснилъ окружающимъ сопровождавшій въ клинику товарищ Колошина.

— Тебѣ больно, сильно ушибся? — спрашивали его участливо.

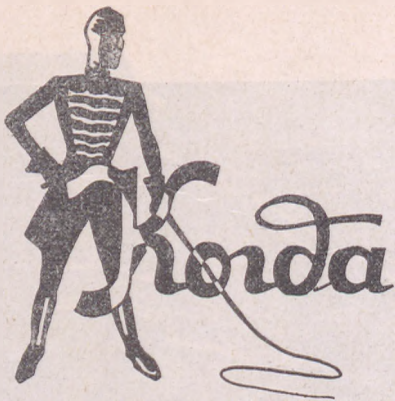
Колошинъ что-то порывался отвѣтить, замычалъ, недовольно, себѣ подъ носъ, махнулъ рукой и пошелъ къ буфету. Повидимому, вынужденный полетъ и поѣздка по свѣжему воздуху, совершенно отрезвили его. Стоя у буфета онъ еще разъ посмотрѣлъ на окружавшихъ его товарищей, опять махнулъ рукой и оставилъ ее протянутой къ пустому стакану. Ему налили почти полный стаканъ, онъ долго на него смотрѣлъ, затѣмъ быстро взялъ и выпилъ въ два приѣма, закусилъ соленымъ огурцомъ и отошелъ къ освобожденному столику.

— Благодарственное и мирное житье подаждь, Господи, рабу твоему Дмитрію, многая лѣта... — рычалъ басомъ Вася, взобравшись на столъ.

— Многая, многая лѣта... — не запѣли, а заорали съ такой силой, что чувствовался максимумъ того «форто», которое могъ выжать каждый изъ себя.

А. Матвѣевъ.

Когда насветились звёзры

Разсказъ Н. Н. Брешко-Брешковскаго

ОКОНЧАНИЕ *)

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХЪ ГЛАВЪ:
Русскій бѣлый офицеръ Ашанинъ прѣзжаетъ вмѣстѣ съ циркомъ итальянца Бомпани, въ роли укротителя дикихъ звѣрей тоже итальянца Помпео Гварди, въ совѣтскую Одессу на гастроли. Циркъ встрѣчаетъ въ Одессѣ комиссаръ Янковъ, и оказываетъ трупѣ извѣстное содѣйствіе. Жена Янкова — Элла рожденная баронесса Винклеръ, должна противъ своего желанія сопроводить на первое представленіе Янкова.

Вотъ и здѣсь, въ циркѣ, она была глубоко въ себѣ самой, а большіе, свѣтлые глаза какъ то трагически пусто передъ собою смотрѣли ничего не видя.

Воздушные гимнасты подь самымъ куполомъ летали съ трапеціи на трапецію. Бичъ въ рукахъ великолѣпнаго Бомпани шелкалъ, какъ выстрѣлы. Густо размалеванный Конти срывалъ апплодисменты за свой ломанный русскій языкъ и за шуточки по адресу опальнаго Троцкаго... Таборъ венгерскихъ цыганъ съ огненнымъ чардашемъ...

Мимо все это, мимо блѣдной, застывшей Эллы.

Антрактъ...
«Униформа» въ лакированныхъ ботфортахъ, бѣлыхъ досинахъ и красныхъ вишмундирахъ съ эполетомъ и аксельбантомъ на лѣвомъ плечѣ, разсѣявшись по манежу, закрѣпляетъ гигантскую клѣтку для укротителя и его труппы.

Подкатываютъ на колесахъ телѣжки съ хищниками.

И левъ и тигры, раздраженные яркимъ электрическимъ свѣтомъ и близостью человѣческой толпы, рычатъ, пугая зрительницъ и возбуждая зрителей.

Очнулась немного и Элла отъ своего оцѣпенѣнія.

Укротитель въ яркой гусарской формѣ какъ-то неожиданно для всѣхъ очутился посреди клѣтки-арены. Первый прыгнулъ къ нему коричневый, съ громадной головою Траянъ, за нимъ черно-желтые тигры...

Звѣры послушно выросли въ живую пирамиду, разсаживаясь на бѣлыхъ тяжелыхъ табуретахъ не равной высоты. Прыгали черезъ барьеръ. Другъ черезъ друга...

Не было нужды въ репрессіяхъ. Но, выржааясь цирковымъ жаргономъ, надо было «хорошо продать номеръ». И укротитель шелкалъ бичемъ, стрѣлялъ изъ револьвера, замахивался желѣзной палкой... Звѣры, какъ и люди, нервированные этимъ, рычали и казалось, что внутри тигровъ перекатываются, сталкиваясь грохотомъ тяжелые чугунные шары.

Элла вглядывалась въ укротителя... Не сразу, а медленно, медленно разматывая клубокъ воспоминаній, поблекшихъ и полубылыхъ...

Дрогнула бѣлымъ четырехколоннымъ видѣніемъ подь плоскимъ «растреліевскимъ» куполомъ родная усадьба на берегу Сейма... Отецъ, отнимая отъ сѣдыхъ усовъ янтарь своей трубки, часто декламировалъ:

Ты знаешь край, гдѣ Сеймъ печально воды
Вдоль берегомъ осиротѣлыхъ лѣтъ...

Война. 1917 годъ. Рождество. Братъ Гога, корнетъ дубенскаго полка, привезъ въ усадьбу погостить поручика Ашанина...

И что-то сладостное, трепетное, недоговоренное, создалось между Ашанинымъ, — герой, георіевскій кавалеръ, полубогъ! — и институткой Эллой.

Гога и Ашанинъ уѣхали на фронтъ и... не вернулись... Озвѣрѣвшая чернь сожгла бѣлоколонный домъ, растерзала отца...

Гога?... Нѣтъ, нѣтъ, не надо... Ашанинъ?... И словно физическій толчекъ въ грудь до темноты въ глазахъ... Да, это онъ, укротитель въ вишневомъ доломанѣ... Онъ, такъ мало измѣнившійся!...

— Ты на него смотришь и я смотрю...

Элла вздрогнула, услышавъ это, увидѣвъ наклоненное къ ней красное лицо Янкова, почувствовавъ его прокуренное дыханіе...

— Только смотримъ то по разному. Ты думаешь: «какой интересный мужчина»... Я же: а не бѣлогвардейская-ли это сволочь какая-нибудь случайно, врангелевская собака, явившаяся къ намъ подь... какъ его тамъ?... подь кличку Помпео Гварди?

— Вы маньякъ... Вамъ всюду мерещатся бѣлогвардейцы! — обдала его ненавистью и презрѣніемъ во взглядѣ Эллы.

— Нѣтъ, извините, баронесса, не маньякъ, не мерещатся, а чутье у меня, нюхъ...

— Бахъ-бахъ-ба-бахъ!...

Подъ выстрѣлы одинъ за другимъ пролетаютъ по воздуху сквозь нылающіе обручи желтые, въ черныхъ полосахъ тигры...

На утро, — Бомпани еще лежалъ у себя на койкѣ, къ нему вошелъ Помпео Гварди.

— Per basso! Полный сборъ вчера! Слышите, саго пію, полный! Вы недовольны! Да поможетъ намъ такъ и дальше Сантиссима!... Ашан... Помпео Гварди? Даже наединѣ... Псттт... Будемъ конспиративны...

— Сборомъ — весьма! Но, какъ я предсказывалъ, такъ и вышло...

— А что?

— Нечѣмъ кормить звѣрей... Ни за какія деньги во всемъ городѣ не достать конины. О болѣе благородномъ мясѣ и мечтать нельзя...

— Но должны же, чортъ возьми, должны быть старья, негодныя клячи.

— Ихъ нѣтъ!

— Да, вы были правы! Это похуже центральной Африки!

Конечно, похуже! Но какъ быть? Если вечеромъ мои звѣры не получаютъ мяса, они поужинаютъ мною во время представленія.

— Ашан... Гварди... Такими вещами не шутятъ... Нѣтъ, я потребую конины! Потребую и баста!

— У кого?

— У этого... Янкова. Онъ всемогущъ здѣсь и любезно предложилъ свое содѣйствіе. Сейчасъ же поѣду къ нему и потребую...

5. ГЕНІАЛЬНЫЙ ВЫХОДЪ ИЗЪ ТРУДНАГО ПОЛОЖЕНІЯ

Янковъ занималъ двухэтажную виллу ака-

демика живописца Кузнецова. Самъ Кузнецовъ умеръ въ Сербіи почти восьмидесятилѣтнимъ старикомъ, все еще писавшимъ очаровательные портреты, а Янковъ пользовался его виллой, его художественной мебелью, его столовымъ бѣльемъ и серебромъ.

Громадную мастерскую художника товарищъ Янковъ превратилъ въ свой кабинетъ съ гигантскимъ письменнымъ столомъ и цѣлой телефонной сѣтью на немъ.

Въ этомъ кабинетѣ Янковъ принялъ директора цирка. Принялъ одѣтый въ полосатую шелковую пижаму. Въ почти такой видѣлъ Янковъ одного гангстера въ американской кино-драмѣ. Онъ выписалъ пижаму изъ Берлина и только тогда успокоился.

— Монъ директоръ, кель эрезъ ванъ въ запортъ? Какъ вамъ правится мой кабинетъ?

— Развѣ лишь у Муссолини такой большой кабинетъ, какъ у васъ, экселансъ.

— Чѣмъ могу служить?

— Кониной.

— Чѣмъ? — переспросила «персона гра-та», изобразивши гримасу на своемъ актерскомъ лицѣ.

— Я сказала — кониной, экселансъ... Нечѣмъ кормить звѣрей... Это грозитъ намъ катастрофой. Еще два-три дня и мы вынуждены будемъ ихъ перестрѣлять.

— Гмъ... — задумался Янковъ, — мы заняты государственнымъ строительствомъ въ планетарномъ масштабѣ и... вы понимаете... не можемъ думать о какой-то конинѣ для вашихъ тигровъ. Вамъ человѣку отжившаго буржуазнаго строя, не понять этого...

— Я понимаю одно, экселансъ: если звѣры не поужинаютъ сегодня, я не выпущу ихъ на манежъ.

— Не дѣлайте этого! Звѣры — гвоздь вашей программы. Да, кстати, укротитель ванъ дѣйствительно итальянецъ?

— Самый стопроцентный! Я уже вамъ сказалъ, — бывший конный копыеносецъ Его Величества... Отецъ былъ подестою въ Моденѣ, мать — урожденная маркиза де Торре-то дукесина ди Лампе-Дуза, — вдохновенно импровизировалъ Бомпани.

— А элегантный былъ на васъ фракъ. Гдѣ шили?

— Лондонскій, отъ Пуля.

— Вотъ я, пожалуй, на дняхъ въ заграничную командировку уѣду ревизовать наши посольства... Тоже одѣнусь у Пуля...

— Экселансъ, именемъ блаженной святости Франсиска Ассизскаго васъ заклинаю: не уѣжайте, не позаботившись о конинѣ для моихъ звѣрей!

— Не безпокойтесь, — со снисходительной улыбкой обнадежилъ его Янковъ. — Вамъ доставятъ какую-нибудь водовозную клячу на сегодняшній обѣдъ и ужинъ для вашихъ хищниковъ... А тамъ увидимъ, придумаемъ что-нибудь... Вотъ вамъ рабочекрестьянская власть. Видите, какъ я доступенъ при моемъ высокомъ положеніи. А раньше? Вамъ и въ голову не могло бы придти по такимъ пустякамъ явиться на пріемъ къ дарскому генералъ-губернатору. Сознайтесь?

— Совершенно согласенъ, экселансъ. Но

*) См. № «Ил. Рос.» отъ 13 янв. 1934 г.

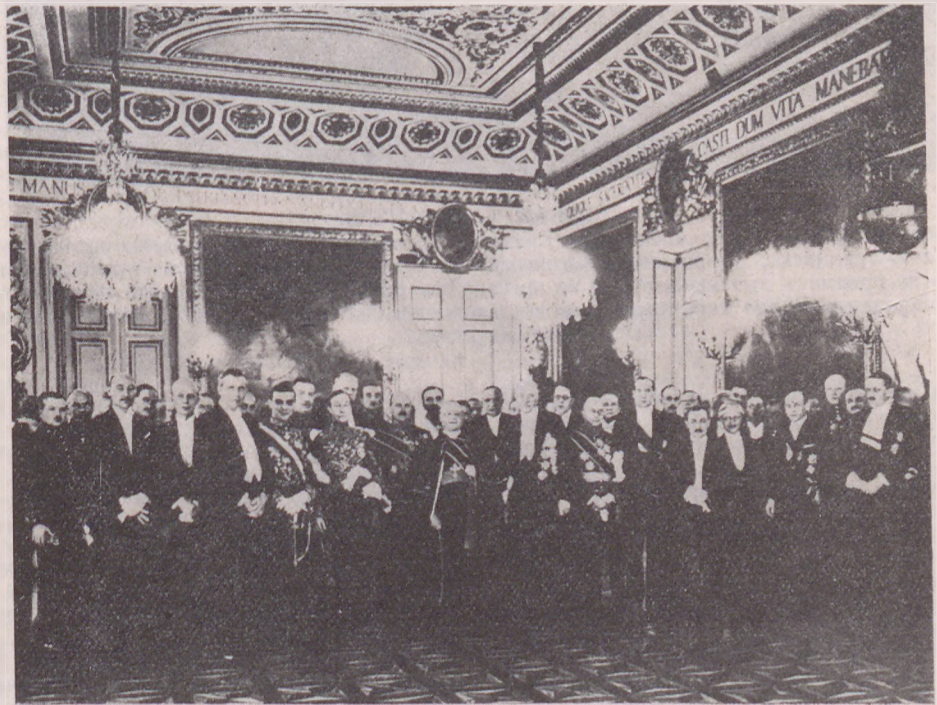
**РАЗДАЧА ПОДАРКОВЪ ДИКТАТОРА
КОРОЛЕВОЙ.**

Итальянская королева присутствовала при раздачѣ подарковъ «дуче» 100.000 молодымъ римлянамъ въ школѣ Микело Бьянки. При выходѣ изъ школы ее сопровождалъ губернаторъ Рима въ фашистской формѣ.

Направо:

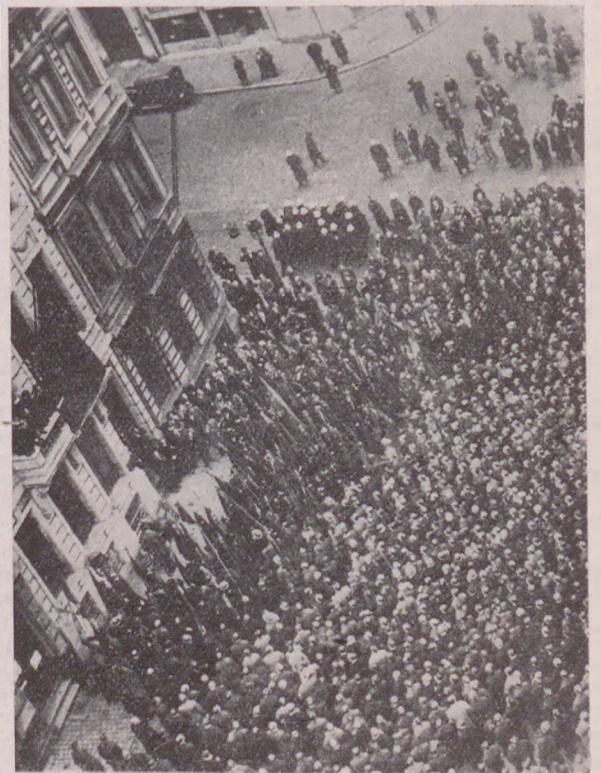
**НОВОГОДНИЙ ПРИЕМЪ У ПРЕЗИДЕНТА
ПОЛЬШИ МОСЦИЦКАГО...**

Новогодний приемъ и принесение поздравлений дипломатическимъ корпусомъ президенту польской республики въ Бельведерскомъ дворцѣ прошелъ въ этомъ году съ обычнымъ блескомъ. На нашемъ снимкѣ иностранные дипломаты во главѣ съ папскимъ нунциемъ.

ЭСКАДРА ВЪИЕМЕНА ЗАКОНЧИЛА СВОЙ ПОЛЕТЪ.

По случаю окончанія полета черезъ африканскій материкъ эскадры французскихъ аэроплановъ, Марсельское городское самоуправленіе устроило торжественный приемъ въ честь летчиковъ. Въ центрѣ, со звѣздой Почетнаго Легіона — командиръ эскадры ген. Вѣйемъ.

МАНИФЕСТАЦІЯ ЧИНОВНИКОВЪ ВЪ БРЮССЕЛѢ.
Союзъ бельгийскихъ комбатантовъ - чиновниковъ устроилъ въ Брюсселѣ внушительную демонстрацію протеста противъ возстановленія въ прѣвахъ чиновниковъ, скомпрометированныхъ въ злоупотребленіяхъ по службѣ.

ПЕРВАЯ «ЛАСТОЧКА».

Первая гражданка СССР, Александра Семенова, прибывшая с советским паспортом в Сан-Франциско. Американский иммиграционный агент допрашивает «знатную туристку» на предмет выяснения целей ее приезда в С.Ш. Надо полагать, что за Семеновой на американскую территорию в достаточном количестве хлынут коммунистические агитаторы.

раньше не было никакой нужды в протекции генераль-губернатора. Мои люди нашли бы сколько угодно конины у любого поставщика мяса...

Ничего не ответил Янковъ. Да и что можно было ответить?

Отпустив Бомпиани и закурив одну из подаренных ему гаванских сигар, Янковъ поднес къ уху телефонную трубку.

— Алло... Кто у аппарата?... А, это вы, товарищ Панасюк... Васъ то мнѣ и надо! Берите машину и пригребайте ко мнѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ кабинетъ вошелъ крупный и грузный человекъ, со скуластымъ лицомъ. Короткій полшубокъ. Синие кавалерійскіе бриджи. У пояса парабеллумъ. Черезъ плечо на ремнѣ кавказская, вся въ серебрѣ шапка.

— Садитесь, голуба...

Панасюкъ, соблюдая субординацію, опустился на кончикъ стула, въ искательной улыбкѣ обнажилъ нѣсколько золотыхъ зубовъ въ верхней челюсти... Въ прошломъ сахалинскій каторжникъ, въ настоящемъ убійца-чекистъ, Панасюкъ почтительно выжидалъ...

— Вотъ какая исторія, голуба... Директоръ цирка имѣлъ у меня сейчасъ аудіенцію... Конины для своихъ звѣрей просилъ... А гдѣ я ему возьму конину.

— Чудакъ, потому что... согласился Панасюкъ.

— Но я кое-что придумалъ. Намъ надо циркъ поддержать. Неловко, знаете, предъ иностранцами. Вернутся къ себѣ въ Италію — чортъ знаетъ, что будутъ болтать про голодъ у насъ.

— Ужъ и не знаю, что мы имъ могли бы предложить...

Янковъ закурилъ папиросу и вопросительно уставился на подчиненнаго.

— Что же вы не догадываетесь?

— Ума не приложу, товарищ Янковъ.

— Ха-ха-ха, раскатился Янковъ дѣланымъ смѣхомъ: и поглупѣли же вы на хорошихъ харчахъ! У васъ настоящій саботажъ мозга.

Янковъ потянулъ безкровными губами къ уху Панасюка и что-то шепнулъ. На лицѣ чекиста отразилось сперва изумленіе, затѣмъ восторгъ.

— Вотъ это ловко... Ай-да товарищ Янковъ! Что выдумали!

— Эхъ вы, Якимъ-простота... А вы какъ думали, что мы совсѣмъ маленькіе?...

Панасюкъ поднялся и началъ прощаться. Янковъ протянулъ ему два пальца.

— Ну, такъ значитъ заматано?

— Заматано, товарищ Янковъ. Угостимъ этихъ самыхъ тигровъ на славу.

— Только смотрите, не засыпьте... Тогда я съ васъ съ самого шкуру спущу...

— Будьте благонадежны, товарищ Янковъ... А только скажу я, какъ бы отъ пищи этой самой не было бы худо укротителю?...

— Я васъ не понимаю...

— Сейчасъ, товарищ... Тигра къ примѣру возьмемъ!... Онъ мнѣ по Заамурскому краю очень извѣстенъ... Бывалъ я въ варнакахъ, въ бѣглыхъ, значитъ... Ну, пробираешься тайгою... Что есть тигръ? Кошка преогромная... И большею частью нападенія на него человекъ боится... Ежели онъ его еще не пробовалъ. Ну, а если хоть разъ только человекъ полакомится — шабаш! Нѣтъ у него ни капельки респекта къ человеку — прямо кидается, какъ анафема! Задержеть, загрызеть въ ключья... Такъ вотъ, какъ бы они послѣ нашей «говядины», укротителя своего не загрызли?...

6. СВИДАНІЕ

Въ этотъ же день въ первомъ антрактѣ Янковъ навѣстилъ въ сосѣдней ложѣ польскаго консула, съ которымъ находился въ большой пріязни.

Элла пропала за кулисы. Ее такъ неодолимо тянуло туда. Пріятно пахло конюшней, остро и вѣдливо ударилъ запахъ звѣрей.

Миновать стояла съ раскормленными, лоснившимися крупами лошадей — онѣ хрюста, перетирала зубами неаполитанскій овесъ, — у клѣтки со львами увидѣла укротителя.

Въ драповомъ пальто и котелкѣ — рукою въ замшевой перчаткѣ похлопывалъ онъ сквозъ желѣзныя прутья когнитую лану Траяна. Загадоченъ былъ сощуренный взглядъ звѣря, а весь онъ величаво монументаленъ въ лѣнливой неподвижности царственной позы своей.

Элла въ двухъ шагахъ отъ укротителя. Осмотрѣвшись, — никого кругомъ, — прошептала:

— Петръ Сергѣевичъ...

Онъ выдернулъ руку изъ клѣтки и полуиспуганно, полу-гнѣвно глядя на женщину, отвѣтилъ по-французски:

— Мадамъ, вы ошиблись и... оставьте меня!...

— Я Элла Винклеръ... Можете довѣриться мнѣ... Клянусь могилами папочки и Гоги... Завтра въ одиннадцать утра... На берегу моря... возлѣ «Аркадія». Теперь тамъ никого, ни души... Ровно въ одиннадцать... — И, не дождавшись отвѣта, боясь услышать что-нибудь отрицательное и жестокое, стремительно ушла отъ него.

Трудно было выбрать болѣе пустынный уголокъ для тайной встрѣчи. Лѣтомъ «Аркадія» кипитъ жизнью — ресторана, пляжъ, кабинки — осенью безлюдна. Нѣтъ мимо ни проѣзжей дороги, ни пѣшеходной тропинки. И та и другая упираются въ «Аркадію».

Тоска въ пабѣгающей на песчаный берегъ волнѣ. Тоска въ холодномъ вѣтрѣ, въ полинявшихъ и заколоченныхъ ресторанахъ и кабинкахъ. Тоска въ оголенныхъ деревьяхъ.

И на фонѣ выдвѣтнаго, безъ красокъ пейзажа — одинокая фигура Ашанина. Землесто блѣдное лицо человекъ, проведенная безсонную ночь въ тяжелыхъ сомнѣніяхъ, въ горести объ утраченномъ.

Въ самый послѣдній моментъ передумалъ, не хотѣлъ идти, заподозрѣлъ ловушку. Но пересилила гордость. Одна мысль, что Элла сочтетъ его трусомъ, обожгла лицо, какъ пощечина.

А если она сама не придетъ... не пустили, побоялась, не можетъ... Увидѣлъ надвигающийся — вся въ темномъ — стройный силуэтъ ея...

Руки ихъ встрѣтились и такъ, держась за руки, они смотрѣли глаза въ глаза. Но мужчина не видѣлъ усталой, измученной, все еще очень красивой женщины въ котиковомъ манти, а женщина не видѣла мужчину въ котелкѣ, съ сѣдѣющими висками.

Передъ Ашанинымъ была пѣбная, въ коричнево-мъ платьѣ институтка съ пышной косой, передъ нею — цвѣтущій гусарскій поручикъ съ Георгіемъ. Святки... Бѣлый барскій домъ, позеленѣвшій отъ луннаго свѣта. И позеленѣвшій спѣль...

Гдѣ все это? Какой остервенѣвшій смерчъ развѣять?... Да и было-ли когда-нибудь?

— Помните папочку?... Помните?...

Ты знаешь край, гдѣ Сеймъ печально воды...

Средь береговъ...

Словно захлебнулась послѣдними словами. Какъ то вдругъ выбрызнули на рѣсницахъ крупныя слезы. Судорожно заплакала, содрагаясь всѣмъ тѣломъ, а руки все еще оставались въ рукахъ Ашанина.

Своимъ платкомъ вытирала ея глаза, какъ ребенку, и она покорно подставляла лицо... А слезы набѣгали вновь...

— Ничего, родной, славный... ничего... дайте выплакаться. Будетъ легче! Такъ, такъ, жалѣйте меня... жалѣйте... Некому пожалѣть. Вотъ вы сегодня хороши, ласковый... А вчера? Боже, какіе у васъ были глаза!...

— Элла, дѣтка, вы лучше меня знаете, какъ здѣсь надо быть на-чеку въ моемъ положеніи...

— Нѣтъ, не это... Вы меня тотчасъ же узнали... А если и такъ... Что вы могли подумать?... Передъ вами хорошо одѣтая женщина. Кто? Жена комиссара, любовница, содержанка... А такой развѣ можно довѣриться, такая не предаетъ развѣ?... И вы осушили: тварь...

— Элла...

— Нѣтъ, выслушайте... Ушайте, какъ я стала окаянной женой комиссара!... Выхода не было: или вѣнчаться въ «Загсъ» или въ

ту же ночь разстрѣляли бы Гогу...

— Гога погибъ въ Добровольческой арміи...

— Да, черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ я цѣною своего позора и своей неволи, спасла его отъ пули чекиста... и помогла бѣжать... какая иронія судьбы! Но ему, Гогочкѣ, лучше гамъ, на небесахъ, нежели мнѣ здѣсь... Ему...

Безпомощный, не знающій, куда себя дѣвать, какъ всѣ мужчины передъ плачущей женщиной, Ашанинъ, давъ ей успокоиться, спросилъ:

— А вы не пытаетесь вырваться, убѣжаться?

— Вырваться, убѣжать? Отъ нихъ? — съ горечью усмѣхнулась она сквозь все еще блестящія на рѣсницахъ слезы. — Хотя, кажется, за всѣ мои муки, Богъ мнѣ пошлетъ избавленіе... Думать страшно, какимъ это было бы счастьемъ!.. Мужа, — съ усиліемъ вымолвила она — скоро посылаютъ въ заграничную командировку. Сначала въ Парижъ... Милый, дорогой Петръ Сергѣевичъ, вотъ когда я убѣгу! Вотъ когда! — схватила она его за руки со страшнымъ, полу-безумнымъ взглядомъ. — Убѣгу! Слышите! Хотя бы черезъ десять, двадцать стѣнокъ пришлось перелѣзть, какъ перелѣзъ Бесѣдовскій.

— И начнете новую жизнь... Начнемъ вмѣстѣ, Элла?

— Вмѣстѣ? — недовѣрчиво переспросила она.

— Да... Я васъ любилъ и люблю...

— Какъ? Даже «такую»?

— Такую еще больше! Мученицу...

— А я? Послѣ той давней влюбленности не было дня, чтобы я васъ не вспоминала... Господи, неужели я еще буду счастлива? Не вѣрю! Не вѣрю!

— Будете, будемъ, Элла! И такъ ярко, солнечно такъ!..

— Нѣтъ... нѣтъ... Не надо, не говорите... Жутко мнѣ, страшно. Скажите вашъ заграничный адресъ. Я его выучу — запомню. Здѣсь мы не увидимся больше... Рискованно... Я не буду ходить въ циркъ. Увидимся тамъ, на свободѣ... И навсегда! А вы уѣзжайте отсюда, бѣгите!..

— И самъ хотѣлъ бы... Съ ума сойти можно. Но нельзя — контрактъ... Данное слово... Что они сдѣлали изъ Россіи, Элла!.. Куда вы?

— Бѣгу, милый... Здѣсь и природа, и стѣны имѣютъ глаза и уши...

— Постойте... секундочку... Дайте взглянуть на васъ... Да, кто... за кѣмъ вы замужемъ?

— За Янковымъ.

— За этимъ... этимъ...

— Мерзавцемъ, хотите вы сказать? Не все ли равно за тѣмъ ли, за другимъ ли! Милый мой, они всѣ поголовно мерзавцы... Всѣ съ головы до ногъ залиты кровью... нашей кровью... Бѣгу... Да, вашъ адресъ? Боже упаси, не пишите... Запомню. Какъ? Римъ, улица Четырехъ фонтановъ... Четырехъ фонтановъ... домъ четыре... Видите, какъ легко... Четыре... четыре... Запомню... Дайте, переключу васъ... и вы поцѣлуйте меня... Останьтесь, побудьте еще минутъ... минутъ десять... Храни васъ Господь...

Долго смотрѣлъ Ашанинъ ей вслѣдъ. Пока не исчезла за пригоркомъ.

7. ВМѢСТО ЭПИЛОГА

Ашанинъ началъ замѣчать на репетиціяхъ и во время «исполненія»: трусливое выраженіе въ изумрудно-желтыхъ глазахъ тигровъ, когда онъ замахивался палкою или шелкалъ бичемъ, смѣнялось какимъ то вызовомъ... И такой же вызовъ угадывался въ низкихъ, рычащихъ потахъ...

Они еще не выходили изъ повиновенія, но съ каждымъ разомъ большимъ усиліемъ, немалымъ напряженіемъ воли давались Ашанину живыя пирамиды изъ хищниковъ, ихъ прыжки другъ черезъ друга и черезъ огненные обручи.

Да и не только тигры. Портился спокойный характеръ льва Траяна. Онъ уже отдергивалъ лапу, когда рука въ перчаткѣ пыталась погладить эту страшную лапу...

Помпео Гварди полу-шутя сказалъ австрійцу, помощнику своему:

— Звѣри теряютъ ко мнѣ всякое уваженіе. Можно думать, что и на нихъ, дѣйствуетъ, какъ ядовитые газы, большевизмъ... Вдаться ли они до сыта?

— Ужъ чего больше до-сыта, господинъ Гварди! Мясо аккуратно доставляется цѣлыми мѣшками. Но оно на видъ какое-то странное. Это не конина. И они со вкусомъ, звѣри то. На конину никогда такъ жадно не бросались... А что перемѣнились они и Траянъ и тигры, я и самъ замѣчаю... И впрямь обольшевились. И я уже съ опаскою подхожу къ клѣткамъ. Но на нихъ это находить, на звѣрей. Пройдетъ, я думаю...

Янковъ ходилъ въ циркъ, какъ на службу. А если и опаздывалъ, то къ номеру со звѣрями уже сидѣлъ или у себя въ ложѣ, или у польскаго консула. Слова Панасюка о тиграхъ, вкусившихъ человѣчины, гвоздемъ застряли въ головѣ Янкова.

Этотъ день былъ днемъ партійнаго съѣзда комиссаровъ всего края... Вечеркомъ цвѣтъ головки власти въ Одессѣ и на мѣстахъ — двадцать большихъ и малыхъ городовъ, — густо заполнилъ амфитеатръ цирка.

Къ этому спектаклю-гала клоунъ Конти заготовилъ сенсационный политическій трюкъ. Съ намалеваннымъ до ушей ртомъ, сверкая густо нашитыми на голубой шелкъ своего «комбинезона» блестками, появился онъ среди холщевыхъ декораций трехъ-стѣнной комнаты. Въ рукахъ онъ держалъ большую, голову въ натуральную величину, — фотографію Троцкаго.

Волна любопытства всколыхнула весь циркъ, узнавшій характерное лицо въ пенснѣ и съ мѣфистофельской бородкой...

Съ ужимками, что-то мурлыча, Конти долго примѣрялъ портретъ ко всѣмъ тремъ стѣнкамъ «комнаты». Тысячи глазъ слѣдили за клоуномъ. Что же дальше?

Какая головой, безнадержно разводя руками, Конти вмѣстѣ съ портретомъ, не спѣша вплотную приблизился къ сидѣвшему съ польскимъ консуломъ Янкову.

— Товарищъ комиссаръ... посоветовалъ мене гдѣ бы можно люче повѣсить Троцки?

Янковъ милостливо аплодируетъ. За нимъ рукоплещетъ весь амфитеатръ. Давно не выпадало такого успѣха на долю старого Конти...

Вскорѣ и послѣдній антрактъ. Униформа воздвигаетъ безопасную для публики арену.

Все готово. Укротитель ждетъ... Звѣри съ гнѣвными раскатами глухого рыканья не желаютъ покидать своихъ клѣтокъ. Австріецъ длиннымъ шестомъ подталкиваетъ ихъ. И, огрызаясь, кидаясь на желѣзныя прутья, нехотя выпрыгиваютъ они одинъ за другимъ на желтый, перемѣшанный съ опилками песокъ.

Опытнымъ глазомъ рѣшаетъ Помпео Гварди: сегодня трудно ему будетъ работать, какъ никогда.

На ожесточеніе звѣрей поднималось въ немъ отвѣтное ожесточеніе. Да и немалую роль играло профессиональное самолюбіе... Не будетъ гладко идти номеръ, вся эта безмятежно сидящая въ удобныхъ креслахъ публика начнетъ выражать неудовольствіе: «Какой же это укротитель, когда ничего не умѣетъ!»

Да и Бомпиани волнуется...

Нѣсколько лѣтъ тѣсно общаясь со звѣрями, Ашанинъ самъ воспринялъ отъ нихъ нѣчто подобное звѣриному инстинкту... И этотъ инстинктъ подсказывалъ ему: или онъ добьется повиновенія, или ему не выйти изъ клѣтки... Азартъ опьянилъ его, завладѣлъ имъ, всецѣло убивъ чувство самосохраненія, убивъ сознание цѣнности жизни...

Настроеніе укротителя, настроеніе звѣрей передалось всей цирковой семьѣ. Невыноси-

мая жуть леденила кровь. Австріецъ, уйдя въ зрѣніе, застылъ съ желѣзною палкою... Блѣдный, но рѣшительный Бомпиани держалъ на готовѣ громадный Кольтъ съ разрывными пулями...

Ашанинъ, уже не шелкалъ бичемъ эффекта ради, чтобы повысить «продать номеръ». Ожесточаясь, съ закушенной губою, онъ хлесталъ звѣрей по головамъ, по мордамъ, по гибкимъ спинамъ... Звѣри кидались на него, замахиваясь лапами, рычали, но все же кое какъ построили пирамиду...

Холодный потъ струился со лба Ашанина и, не задерживаясь на бровяхъ, склеивалъ глаза. Нѣсколько разъ Ашанинъ вытиралъ потъ платкомъ... Изъ прыжковъ другъ черезъ друга ничего не выходило. Звѣри окончательно вышли изъ повиновенія... сбивались въ кучу, словно въ этомъ объединеніи тѣломъ къ тѣлу черная мужество для противо-дѣйствія челоуѣку...

Съ бѣшенствомъ отчаянія Помпео Гварди замолотилъ желѣзною палкою по этой желто-черной гущѣ сбившихся звѣрей. Траянъ держался въ сторонѣ...

Ашанинъ не замѣтилъ, какъ одинъ изъ тигровъ, отдѣлившись отъ остальныхъ, крадучись отползъ, чтобы атаковать челоуѣка сзади... И когда онъ зловѣще спружинился весь, Бомпиани выстрѣлил изъ своего Кольта. Смертельно раненый тигръ, сдѣлавъ гигантскій прыжокъ вверхъ, упалъ на Ашанина и придавивъ, свалилъ его своей тяжестью... И тогда все смѣшалось. Траянъ, урча грызъ лицо Ашанина...

Янковъ вернулся домой. Элла уже спала. Войдя въ спальню, мужъ разбудилъ ее.

— Ты не спишь? Радостная вѣсть! Телеграмма изъ Москвы: мнѣ приказано выѣхать въ Парижъ... Отсюда, моремъ, въ Константинополь, а оттуда Восточнымъ экспрессомъ... Въ Лондонѣ я себѣ сошью фракъ, какъ у этого Бомпиани... Да! я прямо изъ цирка. Потѣха, знаешь: тигры въ клочки разорвали своего укротителя... Вотъ былъ тарарамъ!

Элла пронзительно вскрикнула, встрепенулась, какъ подстрѣленная птица... и безъ сознанія откинулась на подушки...

Н. Н. Брешко-Брешковскій.

БАЛЕРИНА Д. В. ВАДИМОВА.

22, 23 и 24 января въ театрѣ Елисейскихъ Полей состоится спектакль въ память Анны Павловой, на которомъ артистка выступитъ въ балетѣ «Сильфиды» и въ дивертисментѣ.

Александръ Ставискій.

Г-жа Ставиская на конкурсѣ элегантности въ Каннахъ.

СТАВИСКІЙ

величайшій авантюристъ современности

Еще три недѣли тому назадъ имя Александра Ставискаго ничего не говорило простому обывателю. Его знали нѣкоторые органы судебной и полицейской власти, владѣльцы, отели, баровъ и игорныхъ клубовъ и та сравнительно небольшая группа дѣльцовъ, которая занималась «дѣлами», никакихъ, въ сущности говоря, солидныхъ дѣлъ не создавая...

Но вотъ въ газетахъ впервые промелькнуло таинственное имя «господина Александра»... На другой день заговорили о злоупотребленіяхъ въ «Байонскомъ Муниципальномъ Кредитѣ»... Стали называть цифры финансовыхъ потерь, которая росли каждый часъ съ быстротой снѣжной лавины... По страницамъ газетъ пронеслась настоящая буря... Судебно-полицейскій аппаратъ пришелъ въ движеніе. Посыпались чудовищныя взаимныя обвиненія, которая закончились сенсационными арестами и выходомъ одного изъ членовъ правительства въ отставку...

А въ это время по всей Франціи, по всему міру детективы искали таинственнаго «господина Александра»... Парижъ жилъ нервной, напряженной жизнью, жадно ловя каждый слухъ.

И вдругъ новая сенсация! Александръ Ставискій покончилъ съ собою въ необитаемой виллѣ въ Шамони, выстрѣливъ себя въ голову въ тотъ моментъ, когда его готовились арестовать прибывшіе изъ Парижа полицейскіе! Не приходя въ сознаніе, аферистъ

скончался двѣнадцать часовъ спустя, несмотря на сдѣланную ему операцію.

Кто такой Ставискій? — Французскія газеты полны подробными описаніями его жизни.

Александръ Ставискій, онъ же Саша, онъ же Сержъ-Александръ, онъ же Великій Александръ, онъ же Дуази де-Монтъ, онъ же, наконецъ, Викторъ Буагель родился 20 ноября 1886 года въ г. Слободкѣ, Кіевской губерніи. Его отецъ былъ богатымъ дантистомъ, обладавшимъ значительной практикой въ Парижѣ.

Александра смолоту тянуло къ деньгамъ. Въ 22 года онъ уже занималъ должность кассира въ небольшомъ театрѣ «Фолли-Мариньи». Предъ войною онъ успѣлъ принять французское подданство, а когда началась война, отправился сперва на фронтъ добровольцемъ, но потомъ былъ освобожденъ по слабости здоровья.

Въ 1916 г. онъ въ первый разъ былъ приговоренъ къ тюремному заключенію за злоупотребленіе съ бланковой подписью. Въ слѣдующемъ году — новое знакомство съ судебными властями по дѣлу о растратѣ вѣреннѣхъ ему драгоценностей и новое тюремное заключеніе.

Отличаясь тою соблазнительною внѣшностью, которая привлекаетъ сердца дамъ по-

лусвѣта, актрисъ легкаго жанра и перерзѣлыхъ иностранокъ, Ставискій оперировалъ, главнымъ образомъ, въ средѣ парижской накипи, свиншей свои гнѣзда въ подозрительныхъ кабачкахъ Монмартра и Монпарнасса. Онъ торговалъ наркотиками, брилліантами, жилъ на счетъ женщинъ, занимался шантажомъ. Но Ставискій мечталъ о большемъ...

И вотъ въ одинъ прекрасный вечеръ, когда онъ давалъ блестящій приемъ въ Марлиле-Руа своимъ многочисленнымъ друзьямъ, явился комиссаръ уголовного розыска Пашо и надѣлъ на него наручники.

Въ такомъ видѣ его портретъ появился впервые на страницахъ парижской газеты «Экспельзюръ». Это было въ іюль 1926 года. Отъ этого тяжелаго потрясенія отецъ Ставискаго бросился подъ поѣздъ.

Началось судебное дѣло, но аферисту удалось похитить изъ папки слѣдователя всѣ компрометированныя его вещественныя доказательства (его обвиняли въ поддѣлкѣ чека). И... его выпустили на свободу.

Утверждаютъ, что дѣло это откладывалось въ исправительномъ судѣ, который долженъ былъ судить Ставискаго, по невыясненнымъ причинамъ, 19 разъ, и за это время двое судей уже успѣли умереть.

Ставискій провелъ 15 мѣсяцевъ въ предварительномъ заключеніи ненасильственно. Онъ успѣлъ обдумать цѣлый рядъ «гениальныхъ»

финансовых комбинаций, которые должны были ему дать наконецъ тѣ миллионы, о которыхъ онъ такъ жадно мечталъ. Лавры Крейгера, Инсула, Левенштейна, Лахузена и многихъ, многихъ другихъ, которые перевернули мировые финансы, спекулируя на челоѣческой глупости и жадности, — не дали Ставискому покоя.

Началось лихорадочное «грюндерство» — создание десятковъ болѣе или менѣе сомнительныхъ обществъ, изъ которыхъ послѣдующее должно было покрыть несомнѣемъ благотворныя сферы предъизвѣстнаго. Такъ было создано «Общество предпріятій Алексъ», «Мартископъ», «Кинематографическій трестъ» и много, много другихъ. Но Ставискаго неустержимо тянуло къ муниципальнымъ кассамъ и ломбардамъ, работа съ которыми обѣщала ему наиболѣе солидныя выгоды. Ему удалось наконецъ завязать довольно тѣсныя отношенія съ Орлеанскимъ муниципальнымъ кредитомъ, или, говоря по-русски, съ городскимъ ломбардомъ Орлеана.

Въ июлѣ 1929 года Ставискій заложилъ въ этомъ ломбардѣ 96 великолѣпныхъ изумрудовъ, оцененныхъ въ 30 миллионъ. Несмотря на то, что городскіе ломбарды выдаютъ обычно не болѣе одной трети стоимости драгоценностей, ему удалось получить въ Орлеанѣ подъ эти изумруды въ три приема 29 миллионъ! Аферистъ увѣрялъ, что это сокровище принадлежитъ одному изъ отречшихся монарховъ, но опытные детективы теперь утверждаютъ, что драгоценности были фальшивыя.

Тѣмъ не менѣе, размахомъ операций Орлеанскаго ломбарда заинтересовались власти, и въ одинъ прекрасный день въ Орлеанѣ явился ревизоръ, который должегъ былъ осмотрѣть содержимое сейфовъ. Но онъ встрѣнилъ рѣшительный протестъ со стороны директора ломбарда, который потребовалъ особыхъ полномочій. Наконецъ эти полномочія были даны, и теперь, казалось, что Ставискому не выкрутиться. Но... вдругъ чудо! Въ самый рѣшительный моментъ явился Ставискій и бросилъ удивленному мэру пакетъ, который заключалъ въ себѣ ровню 15 миллионъ, необходимыхъ для выдачи «драгоценностей». «Королевскіе изумруды» были ему безпрепятственно выданы, и такимъ образомъ, обвиненіе Ставискаго въ мошенничествѣ отпало.

Ставискій былъ не только «гениальнымъ» комбинаторомъ и дѣльцомъ. Онъ былъ нѣжнымъ супругомъ и отцомъ. Его жена, урожденная Симогъ, одна изъ наиболѣе элегантныхъ парижанокъ, отличалась всѣми признанной красотой. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ г-жа Ставиская получила первый призъ на конкурсѣ элегантности въ одномъ изъ самыхъ фешенебельныхъ французскихъ курортовъ.

Отъ этого брака у четы Ставискихъ было двое дѣтей, которая пользовались всеобщими симпатіями въ домѣ, гдѣ жили ихъ родители. Когда дѣло Ставискаго разрослось до размѣровъ еще невиданнаго скандала, жильцы этого дома въ одинъ голосъ повторили:

— Мы никакъ не могли допустить, чтобы у такого мошенника могли бы быть такіе очаровательныя дѣти.

Ставискій тонко изучилъ роль, которую ему надо было играть въ обществѣ для привлечения всѣхъ симпатій. Въ этомъ обществѣ, гдѣ все основано на элегантной внѣшности, гдѣ стосильная «Испана-Суиза» и красивая молодая жена у руля — наиболѣе солидная рекомендація, «господинъ Александръ» пользовался репутацией «шармера», «Петронія», покровителя искусствъ и печатъ, «красавца Саши», покорявшаго съ одного взгляда не только женскія, но и мужскія сердца!

И, какъ утверждаютъ многіе, знавшіе его лично, у самого «Саши» было золотое сердце. Щедрой рукой помогая людямъ, попавшимъ въ нужду, Ставискій не только угощалъ ихъ Лукулловскими обѣдами, но даже оплачивалъ счета отъ портныхъ...

Его «операции» въ Байонскомъ ломбардѣ въ духѣ словахъ заключались въ слѣдующемъ. Приобрѣсти дружбу мэра Байоны и депутата Гара, аферистъ началъ закладывать въ ломбардѣ драгоценности на весьма крупныя суммы. Для того, чтобы оперировать въ ломбардѣ, какъ у себя дома, Ставискій добился, чтобы директоромъ была назначена его креатура Тиссье, удовлетвовавшаяся, кстати сказать, весьма скромнымъ содержаниемъ.

Ставискій закладывалъ драгоценности и получалъ за нихъ бонны, которые учитывались въ любомъ банкѣ. Но черезъ нѣсколько дней драгоценности какимъ-то чудомъ возвращались обратно въ карманъ Ставискаго. Одновременно Байонскій ломбардъ приступилъ къ самому широкому выпуску боннъ. Бонны эти, какъ гарантированныя и рекомендованныя органами правительства, особенно охотно покупались страховыми обществами и кассами социальнаго страхования. Надо полагать, что Байонскіе бонны представляли значительный интересъ для покупателей не только въ силу того, что по нимъ уплачивались проценты, но, по всей вѣроятности и потому, что они продавались на рынкѣ значительно ниже номинала. Все это было, конечно, возможно, такъ какъ... эти бонны были фиктивными, и большинство изъ нихъ по книгамъ ломбарда не проводилось.

Однако, надо отдать справедливость Ставискому, что въ отношеніи мелкихъ вкладчиковъ онъ поступалъ вполне корректно и всегда настаивалъ, чтобы покупки на мелкія суммы подлежали бы самому внимательному контролю. Въдѣ у него, какъ говорили, было «золотое сердце», и онъ былъ неизмѣннымъ другомъ «маленькаго, слабого» челоѣка.

Какъ практикуется подобными «финансовыми гениями», Ставискій надѣялся, что всѣ эти денежныя суммы, пущенныя на вѣтеръ, будутъ покрыты изъ суммъ еще болѣе

грандіознаго дѣла — дѣла по возмѣщенію убытковъ венгерскихъ подданныхъ, пострадавшихъ отъ конфискаціи ихъ имущества въ Чехословакии, Румыніи и Югославіи. Но комбинація сорвалась самымъ неожиданнымъ, самымъ глупымъ образомъ.

Послѣ рождественскихъ праздниковъ Тиссье, повидимому, напуганный астрономическими цифрами «оборотовъ» Байонскаго ломбарда, явился къ мѣстнымъ судебнымъ властямъ и заявилъ:

— Арестуйте меня. Я — мошенникъ...

Бомба взорвалась. Ставискій, конечно, получилъ однимъ изъ первыхъ извѣстіе объ арестѣ Тиссье. Онъ заметался... Роскошные апартаменты «Клариджа» показались ему мышеловкой... Часы проходили въ разговорахъ по телефону, въ тщетныхъ попыткахъ ухватиться за какую-то соломинку... Но ничего не помогало. Послѣ толпы друзей и прихлебателей, которая наполняла салоны Ставискихъ, онъ почувствовалъ вокругъ себя страшную, молчаливую пустоту. Оставались самые «вѣрные»; они въ силу необходимости должны были идти за аферистомъ въ огонь и въ воду.

И еще эта очаровательная женщина, которая съ нѣмымъ вопросомъ смотрѣла въ глаза своему мужу, вдругъ потерявшему голову...

Быстро собрали вещи, драгоценности, туалеты... Одѣли этихъ прелестныхъ златокудрыхъ дѣтей, которая въ это утро такъ мило играли на коврѣ въ салонѣ... И исчезли...

Когда пришла полиція съ обыскомъ, она нашла вмѣсто четы Ставискихъ, четырнадцать франковъ и поломанную куклу...

Ставискій умеръ въ страшныхъ мученіяхъ послѣ тщетныхъ попытокъ врачей продлить его жизнь. Первый актъ новой трагедіи современности, оконченъ.

Но дѣло о Байонскомъ муниципальномъ скандалѣ разрастается съ каждымъ днемъ. Утреннія газеты приносятъ ежедневно новыя извѣстія о сенсационныхъ арестахъ и разоблаченіяхъ. Политическія страсти накалились до предѣла...

Апрѣль.

ВЪ ОДНОМЪ ИЗЪ ПРЕДПРІЯТІЙ СТАВИСКАГО. Толпа любопытныхъ наблюдаетъ обыскъ въ страховомъ обществѣ «La Confiance» (Довѣріе) въ Парижѣ.

НА ВОЗДУШНЫХЪ КОРАБЛЯХЪ

Очеркъ Саккара

Парижъ-Лондонъ въ 100 минутъ. — На современномъ аэро-вокзалѣ. — Воздушные экспрессы и ихъ пассажиры. — Нѣсколько цифръ. — Что такое P. S. V. — Американскіе аэро-слипинги. — Осуществленная мечта.

Однажды, не такъ давно, нѣсколько парижскихъ журналистовъ получило неожиданное и пріятное приглашеніе.

Объединенная французская авіаціонная компанія «Air-France», по случаю выпуска на линію новыхъ быстроходныхъ авіонозовъ, приглашала представителей печати на завтракъ, причемъ завтракъ этотъ долженъ былъ состояться... въ Лондонѣ.

Въ этомъ не было-бы, пожалуй, ничего особеннаго, если бы приписка на приглашеніи не гласила, что г.г. журналисты отнюдь не должны бояться потерять цѣлый рабочий день. Они могутъ пожаловать на парижскій аэродромъ къ 11 час. утра и будутъ доставлены сюда же послѣ завтрака въ Лондонѣ не позже чѣмъ къ 5 час.

Общаніе было свято выполнено. Для этого журналистамъ вовсе не снаряжали какихъ-нибудь специальныхъ быстроходныхъ самолетовъ. Они заняли мѣста въ самомъ обыкновенномъ пассажирскомъ авіонѣ, совершающемъ ежедневно по нѣскольку рейсовъ между столицами Франціи и Англій, не спѣша позавтракали на лондонскомъ аэро-вокзалѣ и съ ближайшимъ по расписанію аэропланомъ вернулись въ Парижъ. Ибо современное воздушное сообщеніе происходитъ съ регулярнѣйшей точностью, строго по расписанію. И «опозданіе» пассажирскаго авіона сейчасъ гораздо большая рѣдкость, чѣмъ опозданіе скораго поѣзда даже въ самыхъ благоустроенныхъ государствахъ.

ВОЗДУШНЫЕ ЭКСПРЕССЫ

Для поколѣнія, начавшаго сознательную жизнь десять-пятнадцать лѣтъ тому назадъ современный аэропортъ представляетъ, вѣроятно, не больше интереса, чѣмъ для насъ самый обыкновенный вокзалъ или пристань...

Но мы, люди, которымъ (къ чему скрывать!) перевалило за сорокъ, — тѣ самые люди, для которыхъ воздушный корабль былъ плѣнительной и недостижимой мечтой фантастическаго романа, которымъ онъ снился, послѣ того, какъ книжечка съ обтрепанными страницами и наивными рисунками захлопывалась и засовывалась подъ подушку, испытываемъ здѣсь особые чувства. Осуществленная мечта!

Городское бюро авіаціонной компаніи. Элегантный молодой клеркъ, дактило, почтенный кассиръ... На стѣнахъ — плакаты, расписанія, тарифы. Будничная, дѣловая атмосфера.

— Когда ближайшій авіонъ въ Лондонъ?

Молодой человекъ бросаетъ быстрый взглядъ на часы, на расписаніе, въ свою книгу.

— Черезъ часъ отправляется десятилѣтний Вибо. Я могу предложить вамъ здѣсь только одно мѣсто. Автокаръ отходитъ черезъ 30 минутъ.

Для васъ это немного рано. И потомъ — вамъ нужно два мѣста.

Молодой человекъ озабоченно просматриваетъ списки.

— Прекрасно! У меня какъ разъ два мѣста рядомъ на трехмоторномъ «Империаль-Айрвейсѣ». Правда, онъ нѣсколько тише Вибо...

Наконецъ вы выбираете то, что вамъ нужно. Вамъ выдаютъ билетъ точно также, какъ на проѣздъ по желѣзной дорогѣ или пароходѣ. Онъ — не дороже, или незначительно дороже, чѣмъ билетъ 1-го класса въ поѣздѣ. До Лондона пассажирскій билетъ стоитъ 450 фр. до Брюсселя — 175, до Берлина — 695. Кстати сказать, самая высокая цѣна, которая фигурируетъ въ авіаціонномъ тарифѣ — это 14760 фр. — цѣна билета до Сайгона. Регулярное почтово-пассажирское сообщеніе Франціи съ Индо-Китаемъ уже началось, причемъ линію обслуживаетъ какъ разъ тотъ самый авіонъ, на которомъ французскій министръ воздухоплаванія леталъ этимъ лѣтомъ въ Москву. Есть въ тарифѣ, разумеется и цѣна билета до Москвы. Она тоже не Богъ вѣсть какъ велика — 2010 фр. Существуютъ и билеты aller-retour со скидкой въ 30 проц.

На специальномъ автобусѣ пассажира доставляютъ въ аэропортъ, или, по старому, на аэродромъ. Автобусъ отходитъ за тридцать минутъ до отлета авіона. Самый полетъ до Лондона занимаетъ 1 ч. 40 м. На особыхъ автобусахъ доставляется почта. Если письмо, напримѣръ, въ Амстердамъ, и если вы бросите его въ особый трехцвѣтный почтовый ящикъ, скажемъ, не позже чѣмъ въ 11 ч. 30 м. у., вы можете быть увѣрены, что письмо ваше будетъ на мѣстѣ въ тотъ же день въ 3 ч. 40 м. съ вечерней почтой. Въ Брюссель же и Лондонъ письмо идетъ почти со скоростью городской «пневматички». Брошенное въ специальный ящикъ на площади Лафайетъ, напримѣръ, не позже 9 ч.

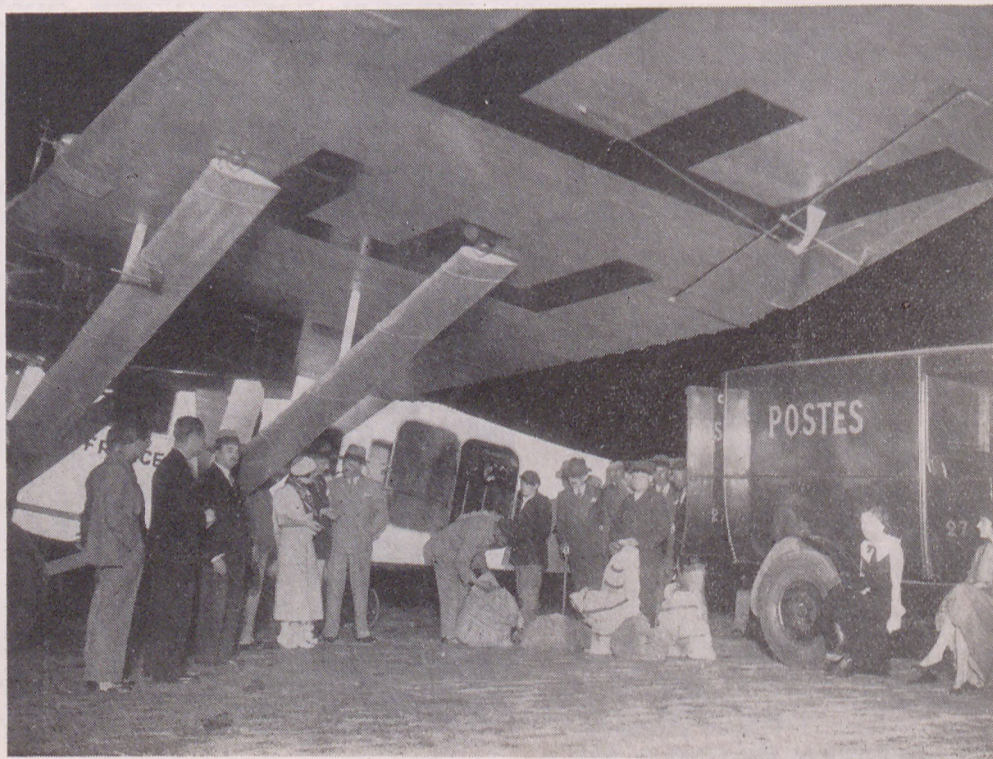
30 мин. утра оно поступаетъ на городскую почту Лондона въ 12 ч. 50 м. И въ тотъ же день вы сможете получить отвѣтъ на ваше утреннее письмо.

Этой головокружительной быстротой авіаціоннаго сообщенія, конечно, широко пользуются газеты. Такъ напримѣръ, лондонскія 5-ти часовыя утреннія изданія, появляются въ продажѣ на парижскихъ бульварахъ уже въ 8 час. утра.

НА ПАРИЖСКОМЪ АЭРО-ВОКЗАЛѢ

Обыкновенно воображеніе поражаетъ нѣчто необычное, сверхестественное, изъ ряда вонъ выходящее. На аэровокзалѣ какъ разъ наоборотъ: такъ странно и жутко-радостно видѣть эту будничную, вокзальную сцену вокругъ этой осуществленной мечты — воздушныхъ кораблей.

При входѣ въ аэро-портъ нѣсколько небольшихъ павильоновъ авіаціонныхъ компаній. Здѣсь пассажиръ, не запасшійся билетомъ въ Парижъ, можетъ купить его въ окошечкѣ кассы. Дальше — самое вокзальное строеніе. Около него — большая черная доска: — отлеты и прибытія. Большими бѣлыми буквами и цифрами обозначены названія городовъ, часы, минуты. «Отлеты: Лондонъ — 11.45. Марсель — 10.15. Берлинъ — 11.20. Прибытіе — изъ Амстердама — 12.50. Изъ Лондона...» и т. д., и т. д. У рѣшетки толпятся встрѣчающіе. Тутъ-же нѣсколько носильщиковъ, которые переносятъ багажъ въ таможенный залъ съ прилавками, окованными желѣзными полосами. Наверху для ожидающихъ —

На аэровокзалѣ въ Бурже.

буфетъ, обыкновенный станціонный буфетъ съ искусственными пальмами, сверкающими кофейниками и скучающей кассиршей. А тамъ, дальше, за дверьми таможенного зала, откуда пассажировъ выпускаютъ послѣ проверки багажа и документовъ, на специальной цементированной площадкѣ — нѣсколько готовыхъ къ отлету воздушныхъ...

Кораблей?...

Поѣздовъ?...

Вагоновъ?...

Но привычекъ пассажирскій авіонъ хочется съ чѣмъ-нибудь сравнить. Но этого не нужно. Сейчасъ онъ уже занялъ свое собственное мѣсто среди другихъ средствъ передвиженія. И оно далеко не изъ послѣднихъ.

Около авіоновокъ — обычная вокзальная жизнь. Пока идетъ погрузка багажа, пассажиры разыскиваютъ «свои» аэропланы, выбираютъ мѣста. Тутъ же на повозкѣ развозить свой пестрый товаръ газетчикъ, бродить фотографъ, готовый запечатлѣть васъ у входа въ кабинку.

— Скажите, это лондонскій?

— Нѣтъ, мсье, это марсельскій. Лондонскій дальше, вотъ тотъ большой бѣлый.

— Это Брюссель, 11.50?

— Да, да, пожалуйста.

У входа въ кабинку пассажира встрѣчаетъ стюартъ въ бѣлой курточкѣ. Онъ помогаетъ вамъ найти ваше мѣсто.

— Мсье не нравится здѣсь? Но повѣрьте мнѣ — это отличное мѣсто.

Онъ заговорщицки наклоняется къ вамъ:

— И потомъ, здѣсь въ серединѣ меньше качаетъ.

Этотъ стюартъ будетъ сопровождать васъ въ путешествіи. На большихъ авіонахъ есть маленький баръ и во время полета стюартъ можетъ принести вамъ стаканъ лимонада и несложный коктейль или виски. Бываютъ и «спеціальныя» случаи. Но о нихъ — въ свое время.

Современный пассажирскій аэропланъ — большой, комфортабельно обставленный ва-

гонъ. Недавно компания «Air-France» выпустила на линію Парижъ - Лондонъ новые быстроходные авіоны Вибо — «Золотой парусъ». Въ своихъ объявленіяхъ компания писала: «наши новые, небольшие, десятиместные авіоны»... Десять мѣстъ въ аэропланѣ — это уже не много. Въ трехъ-моторныхъ бипланахъ англійскаго общества «Imperial Air Weis» 36 мѣстъ. Но они нѣсколько тише Вибо. И въ нихъ уже налетъ какой-то старинности, англійской добротности, легкаго провинциализма. Ихъ бархатные диванчики на два мѣста расположены другъ противъ друга: — часть пассажировъ сидитъ спиной къ полету. Въ «Золотомъ парусѣ» — глубокія комфортабельныя кожанныя кресла — «Pulmann-club».

Мнѣ довелось подробно осмотрѣть послѣднюю новинку французской пассажирской авіаціи — «Изумрудъ»*), аппаратъ на которомъ Пьеръ Котъ леталъ въ Москву. Этотъ красавецъ монопланъ Девуатинъ сдѣланъ весь цѣликомъ изъ алюминія и когда стоишь около него, трудно представить себѣ, что эта сверкающая металломъ громада можетъ легко отблѣиться отъ земли и подняться на воздухъ. Онъ снабженъ настоящей командирской рубкой, въ которой помѣщаются четыре человѣка экипажа: пилотъ, его помощникъ, механикъ и радиотелеграфистъ. Пассажирская каюта оборудована раскладными лонгъ-шезами, которые на ночь могутъ превращаться въ постели. И эта громада побиваетъ всѣ рекорды, совершая коммерческія полеты со скоростью въ 250 км. въ часъ!

АЭРО-ПАССАЖИРЫ

Каковъ составъ пассажировъ современныхъ воздушныхъ почтовыхъ трактовокъ? Въ огромномъ большинствѣ это англичане и американцы. За ними идутъ скандинавы, нѣмцы, французы. Все это коммерсанты, артисты, политическіе дѣятели, спортсмены, просто туристы.

Къ путешествію на авіонѣ надо привыкнуть. Для очень многихъ оно оказывается непереносимымъ. Какъ извѣстно, люди, подверженные морской болѣзни, испытываютъ ее и на авіонѣ, особенно въ «свѣжую» погоду, когда авіонъ качаетъ. Но морская болѣзнь пустяки по сравненію съ болѣзнью высоты, которая вдругъ можетъ охватить человѣка.

Мнѣ пришлось долго бесѣдовать съ однимъ стюартомъ, совершающимъ уже три года рейсы между Парижемъ и Лондономъ на пассажирскомъ аэропланѣ. Онъ, кстати, сказать, оказался латышомъ и отлично говоритъ по-русски.

— Разная бываетъ публика, — сказалъ онъ. — Сразу видишь, кто уже легалъ, привыченъ къ этому, а кто въ первый разъ летаетъ. Конечно всѣ храбрятся, не хотятъ показаться трусами, а по совѣсти говоря всѣ, конечно, побаиваются. Да и самъ я, вотъ уже три года какъ летаю, а откровенно говоря, по настоящему привыкнуть не могу. И, больше того, чѣмъ больше летаю, тѣмъ все какъ-то неспокойнѣе, все прислушиваешься къ стуку мотора. Особенно надъ Ламаншемъ...

— А среди пассажировъ, — продолжалъ мой собесѣдникъ, — бываютъ и такіе, которые разумомъ, можетъ быть, и не боятся, но потомъ, въ пути, вдругъ начинаютъ испытывать настоящій ужасъ. При мнѣ были случаи, когда богатые, солидные американцы вдругъ вскакивали съ мѣста, бросались къ кабинкѣ пилота, стучали въ ее дверь кулаками, на колѣняхъ умоляли пилота опуститься и выпустить ихъ изъ машины. Были и такіе, которые вынимали деньги, предлагали 5000 долларовъ, чтобы только пилотъ снизился. Но это, конечно, отдѣльные случаи. Огромное большинство сидитъ спокойно

*) Сдѣланъ жертвой катастрофы 15/1 с. г. близъ Корбиньи.

Около аппаратовъ обычная вокзальная суета

за газетами и журналами, какъ въ обыкновенномъ вагонѣ.

«Бунтующимъ» пассажирамъ иногда приходится давать въ стаканъ лимонада успокоительное и они мирно засыпаютъ подъ монотонный гулъ мотора.

НѢСКОЛЬКО ЦИФРЪ

Цифры почему то принято считать сухой и скучной матеріей. Но иногда только эти цифры могутъ въ нѣсколькихъ строкахъ дать живую, настоящую картину происходящаго.

Что такое современная пассажирская авіація въ цифрахъ?

И каковы эти цифры по отношенію къ цифрамъ первыхъ «геронческихъ» лѣтъ коммерческаго воздухоплавания?

Въ 1919 г. авіонами одной только французской компаніей «Air Union» было покрыто 150.400 километровъ, доставлено 9.050 кило товаровъ и 130 кило почты. Черезъ десять лѣтъ, въ 1929 году, той-же компаніей было покрыто 1.851.393 кило., перевезено 17.069 пассажировъ, 949.917 кило груза, 13.251 кило почты. До 1926 года регулярность воздушнаго сообщенія не измѣрялась, ибо ее просто не существовало. Къ 1929 году регулярность эта достигла 93 проц. Наконецъ за 1932 годъ той же компаніей было сдѣлано 2.626.277 километровъ, перевезено 31.106 пассажировъ, 1.353.800 кило товаровъ, 54.045 кило почты, и регулярность достигла 96 проц.

И наконецъ — нѣсколько самыхъ послѣднихъ цифръ: за послѣднюю недѣлю 1933 года съ 25 по 31 декабря съ парижскаго аэродрома Бурже поднялось и на него опустилось 89 пассажирскихъ линейныхъ авіоновокъ, прошло 610 пассажировъ и около 25 тоннъ груза. И это въ разгаръ зимы, когда казалось бы вообще авіаціонное сообщеніе должно прекратиться. Ибо именно зимой у авіатора появляется самый страшный неутомимый врагъ — туманъ.

Этотъ врагъ теперь почти побѣжденъ.

«ЧЕРНАЯ ВЕНЕРА»

Жозефина Бекеръ передъ отлетомъ изъ Парижа

Пассажи́рские авионы поднимаются и опускаются каждый день, строго по расписанию с неумолимой регулярностью, не взирая ни на какое время года, ни на какую погоду. Только в очень редких случаях полеты отменяются. Но находящийся уже в пути и застигнутый туманом авиатор может быть спокоен. Он не собьется с пути и выпрыгивая из окутывающей авион «ваты» опустится не на смертоносные крыши домов или телеграфные столбы, а на гостеприимную гладь аэро-порта. Об этом воистину благодетельном достижении науки и техники стоит рассказать подробнее.

« P. S. V. »

Полет в туман — едва ли не самое опасное дело во всей авиации вообще. Авиатор летит буквально как бы с завязанными глазами, к тому же он не может точно определить не только направление аппарата, но и его положение по отношению к горизонту. Один из пионеров авиации, впоследствии погибший, Ружери попал однажды в густое облако. Он продолжал полет, но когда вдруг вырвался из окружающей его «ваты», он вдруг с ужасом замечает, что летит почти отвесно к земле. К счастью до нея оставалось достаточно большое расстояние, чтобы он успел выравнять аппарат.

Этот случай послужил толчком для зарождения и усовершенствования целой отрасли авиации, обозначаемой теперь тремя буквами: «P.S.V.» — *pilotage sans visibilité* — управление в слепую. Теперь авиатор может смело управлять своим авионом из наглухо закрытой кабинки и совершать целые путешествия, руководствуясь исключительно указаниями радио. Ибо весь «P.S.V.» покончен всецело на радиотелеграфии. Во время недавнего рекордного полета России и Кодоса из Нью-Йорка в Сирию, авиаторы, по их словам, ни разу не видели океана. А они летели над ним 36 часов. Все данные, которые были им нужны для их навигационных вычислений, они получали по радио.

Характер очерка и место не позволяют мне подробнее остановиться на организации этого «пилотажа на расстоянии» попавших в туман пассажирских кораблей.

В общих чертах происходит он так. Недалеко от аэро-порта Бурже стоит маленький, скромный, домик — именно отсюда заблудившимся авионам посылаются спасительные волны. Там, в этом домике находится чудодейственный «радиогониметрический кадр». Это — рама, обтянутая несколькими рядами проволоки обладающая способностью воспринимать сигналы, посылаемые авионом, только, если она стоит строго перпендикулярно направлению, по которому эти сигналы подаются. Вращая кадр на вертикальной оси радиотелеграфист доводит сигналы и определяет направление. Но ему нужно знать не только направление, но и точку, в которой находится авион. Для этого он сносится по телефону с другой такой же станцией как и его. Оттуда ему дают другое направление, также слышанного там сигнала авиона. Радиотелеграфист главной станции быстро наносит на карту две линии — в месте их пересечения находится злосчастный авион. Теперь остается только передать ему по радио же тот курс, которого он должен держать.

Передается иногда не только курс, но и высота. Дело в том, что к такому большому аэропорту, как Бурже могут приближаться иногда одновременно 3, 4 и 5 авионов. Возможность столкновения их при посадке в туман — огромна. В этом случае ими снизу из аэропорта буквально командуют. В пространство летят приказы:

— Айрвейс 600 метров... Вибо — 110... Девуатинь 1800...

Затем по очереди авионам указывают путь для посадки. Пока ее совершает один, другие должны продолжать свой полет в молочно тумане, пока новый сигнал не вернет их на правильный путь.

Как происходит посадка в тумане?

Радиотелеграфист дает приближающемуся авиону направление прямо к свой домик. Этот домик отстоит от места посадки ровно на 2 километра. Когда пилот вдруг слышит в своем радио сигнал «Z6 он знает, что в этот момент находится как раз над спасительным домиком. Больше радио ему не нужно. Его замедляет секундометр. Пилот отсчитывает ровно 30 секунд. Теперь он безо-

язненно может выключать мотор и садиться. Он находится над аэродромом Бурже...

А там, оттуда, с земли, собравшиеся встречать его люди, которым громкоговоритель с крыши аэровокзала сообщал уже, что «Лондон-Париж прибывает через 3 минуты», могут видеть, как из низкого, свинцового тумана вдруг выпрыгнет гигантская сверкающая зеленым и красным огнями, птица и как она плавно и уверенно садится на землю и подкатывает к цементированному перрону.

Мне вспоминается, когда я пишу эти строки, один мой приятель, бывший авиатором во время войны. Как-то раз он попал на своем Ньюпорте в «молоко». Дело было к вечеру, надо было снижаться, а кругом ничего, кроме срой пелены.

— Ну, что тут делать, — рассказывал мне приятель, — верчусь верчусь, и вверх бронуся, и спущусь — ни черта! Спускаться наугад — страшная смерть. Местность паршивая, изрытая, повсюду старые окопы. Да потом и к ильмам залететь мог. Ну однако же, думаю, надо было снижаться. Не до утра же летать. Выключил я мотор, включил «Отче Наш» и вниз!»

На этот раз «Отче Наш» моему приятелю помогло. Современные авиаторы пользуются более скромным, но не менее надежным покровительством чудодейственных радио-волн.

ЛЮДИ НА КРЫЛЬЯХ

Чтобы закончить — несколько стрихов из жизни пассажирской авиации мира.

В Америке пассажирские авионы Нью-Йорк - Чикаго отходят каждый час, без перерыва, начиная с 6 час. 30 мин. утра до 9 ч. 30 м. вечера. С остановкой в Клевленде и Толедо, они покрывают расстояние в 1240 км. в 5 час. Наибольшим успехом у публики пользуются ночные авионы для к услугам пассажиров имются кушетки.

В пути пассажирам предлагаются газеты, журналы и... папиросы. Все это бесплатно. Вместо «стюартов» на аэроплане прислуживает обычно хорошенькая «стюардесса» в форме.

Ночные полеты существуют и во Франции. Для посадки прибывающих авионов огромное пространство аэродрома заливаются светом прожекторов.

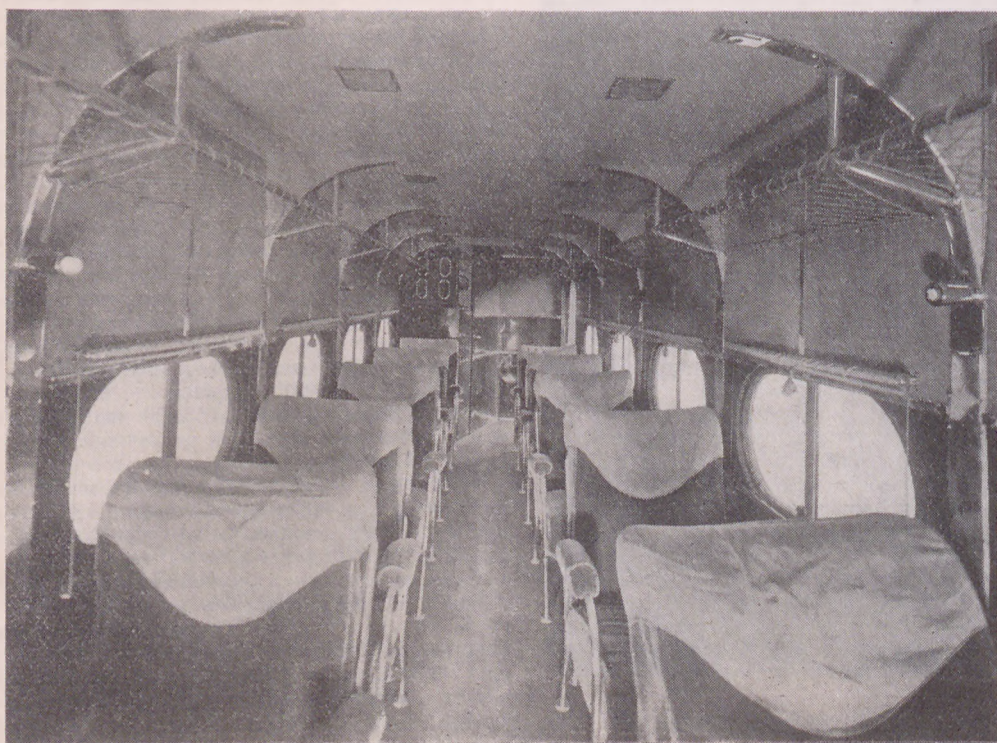
Бурже не только аэро-вокзал для пассажирских линий. Он также станция для частных аэропланов летучих туристов. Их с каждым годом все больше и больше во всем мире. Только во Франции за 1933 год было зарегистрировано 700 частных авионов. А она в этом отношении далеко не на первом месте.

Люди летают... Странно, жутко и радостно писать о воздушных экспрессах, об аэро-вокзалах, о крылатых туристах... Обо всем этом мы когда-то читали в фантастических романах. Для нас все это — осуществленная мечта.

Сакнар.

Начиная со следующего номера, отдел моды «Иллюстрированной России» будет значительно расширен. Редакция привлекла к сотрудничеству специалистов лучших парижских домов, которые, по заказу читательниц, будут снабжать их выкройками и отвечать на запросы.

Большой, комфортабельно обставленный вагон

„333“

ИСТИННОЕ ПРОИСШЕСТВІЕ

...Я вернулся из Института в отвратительном настроении. Еще-бы! Два часа тому назад — вторичный провал по интегральному исчислению. Еще один провал по этому предмету означал исключение из Института.

Нашъ Институтъ, самый молодой изъ всѣхъ Петербургскихъ Институтѣвъ, былъ и самымъ либеральнымъ. Система прохожденія курса была предметная. Никакихъ ограниченій въ смыслѣ срока пребыванія въ Институтѣ не было; не было и, такъ называемаго, «минимума», то-есть, минимальнаго количества экзаменовъ и зачетовъ, подлежащихъ сдачѣ въ продолженіи перваго или первыхъ двухъ лѣтъ пребыванія въ Институтѣ. Потомъ, съ переходомъ Института изъ Министерства Финансовъ въ Министерство Торговли и Промышленности, всѣ эти льготы были уничтожены для вновь поступающихъ. И по-дѣломъ! Число студентовъ было ограничено пропускной способностью чертежныхъ, мастерскихъ и лабораторій, всегда переполненныхъ, не въ примѣръ аудиторіямъ, всегда пустовавшимъ. А аудиторіи были чудесныя — огромныя, амфитеатромъ, съ идеальной акустикой — профессоръ могъ говорить шепотомъ, и его было слышно на самыхъ отдаленныхъ скамьяхъ. Приемный конкурсъ былъ жестокой: на техническія отдѣленія изъ десяти желающихъ попадалъ едва одинъ. Можно-ли при этомъ было терпѣть, чтобы въ Институтѣ числились студенты, которые за три года и четыре года получали бы два-три зачета: по черченію, рисованію и, скажемъ, начертательной геометріи? А, вѣдь, были такіе. Студентъ обходился казнѣ, приблизительно, 1000 рублей въ годъ, а платилъ всего сто. При этомъ половина вообще ничего не платила.

Единственнымъ «неудобствомъ», повторяю, было запрещеніе проваливаться по каждому отдѣльному предмету больше двухъ разъ.

Словомъ, по интеграламъ я провалился во второй разъ. На свое несчастье я опять попалъ на глаза «самому». Грозному, неумолимому «333», прозванному такъ за то, что его имя, отчество и фамилія были одного корня. Аналитическую геометрію и дифференціалы я благополучно сдалъ у ассистента. Но на интегралахъ...

— Коллега, — услышалъ я за спиной знакомый, скрипучій голосъ, — и обмеръ. — Я уже дописывалъ на огромной, уходящей въ высь, черной доскѣ (доски у насъ выходили изъ пола и на блокъ подымались постепенно вверхъ) свой билетъ, кончавшійся рѣшеніемъ задачи Вивіани, которое я взялъ у Пуэнкаре — и считалъ свое дѣло въ шляпѣ. Рука моя дрогнула и мѣлъ сломался... Въ душѣ все-же еще тлѣла искорка надеж-

ды, что это зловѣщее «коллега» относилось не ко мнѣ.

— Коллега, — проскрипѣлъ опять тотъ же голосъ. Искорка погасла. Пришлось повернуться. Сквозь очки узенькіе, злые глаза внимательно меня разсматривали.

— Мнѣ незнакомо ваше лицо, — продолжалъ онъ скрипѣть. — Вы, вѣроятно, рѣдко бывали на моихъ лекціяхъ, коллега? (На лекціяхъ по интегральному исчислению я не былъ ни разу). Васъ мой предметъ не интересуетъ? Но все-же его нужно знать. А вы его не знаете, коллега. Такъ-съ... Поссе, хорошо... Это Рихтеръ... Такъ-съ. Пуэнкаре... Отлично. Но это не знаніе, коллега. Это салатъ. Венигретъ-съ. — Поминутное повтореніе «коллега» отдавало въ душѣ погребальнымъ звономъ. — Бесѣдовать намъ съ вами не о чемъ, коллега. Сегодня, по крайней мѣрѣ. Придите еще разъ... Имѣю честь...

Это произошло въ октябрѣ, въ мой первый дебютъ по интеграламъ. Сегодня была вторая, и было это 5 декабря. Идя на экзамень, я твердо рѣшилъ не попадаться на глаза «333». И если бы экзаменующихся было мало и «самъ» былъ бы на экзаменѣ, я рѣшилъ просто уйти, не беря билета.

Въ аудиторіи, студентовъ хотя и было мало, но «самого» не было. — «Неужели захворалъ?» — мелькнула радостная мысль, и, окрыленный прекрасными, какъ мнѣ казалось, ауспичіями, я быстро направился къ столу, за которымъ милѣйшій Моговиловъ, ассистентъ «самого», разбиралъ стопку билетовъ. У него я благополучно держалъ аналитику и дифференціалы. Поздоровавшись, я спросилъ о «самомъ» и узналъ, что онъ врядъ-ли будетъ. Простудился. Выразивъ лицемѣрное сожалѣніе и радостно волнуясь, я спросилъ билетъ.

— Да вотъ, возьмите хоть этотъ, — и Моговиловъ протянулъ мнѣ картонный билетъ, на которомъ, среди прочихъ любопытныхъ вещей, опять красовалась задача Вивіани.

...Когда я дописывалъ послѣднюю строчку, тихій гулъ въ аудиторіи затихъ. Хлопнула дверь. Я оглянулся. Съ забинтованнымъ горломъ, въ сопровожденіи другого ассистента, въ аудиторію входилъ «333». Уйти съ экзамена, взявши билетъ, равносильно провалу. Я остался. Дальше все было, какъ въ первый разъ, за исключеніемъ того, что «333» прямо направился ко мнѣ и, прокрипѣвъ: «Мы съ вами уже имѣли случай бесѣдовать по этому предмету, коллега», — бы-

стро пробѣжалъ глазами по доскѣ и велѣлъ служителю стереть. Вернувшись къ столу онъ поставилъ противъ моей фамиліи въ экзаменаціонномъ спискѣ черту и замысловатый крючекъ — свою обычную подпись.

...Я сидѣлъ дома за письменнымъ столомъ въ горькомъ раздумьи о своей судьбѣ. Въ томъ, что если я пойду въ третій и послѣдній разъ экзаменоваться въ январѣ, то провалюсь опять — я не сомнѣвался. Литографированнымъ лекціи «333» еще не были готовы. Оставалось «заложить» экзамень до будущаго года. Но это влекло за собой огромную потерю времени: задерживались экзамены по другимъ предметамъ, которые у меня были готовы, и которые нельзя было держать, не сдавши интеграловъ; — напри- мѣръ, сопротивленіе матеріаловъ! Перевестись въ другой Институтъ или на другое отдѣленіе въ своемъ? Но это означало новый конкурсъ и потерю двухъ лѣтъ. Два года! Въ тѣ времена такая потеря казалась невознагражденной. Къ тому же, оставаясь въ своемъ Институтѣ, я неизбежно опять встрѣчусь съ «333», ибо курсъ математики былъ общій для всѣхъ техническихъ отдѣленій.

Мрачныя мысли прервалъ звонокъ въ передней. — «Кого еще тамъ чортъ принесъ», — недовольно подумалъ я и самъ пошелъ открывать.

Запорошенный снѣгомъ, вошелъ Смѣльскій, мой большой пріятель, съ которымъ мы всегда дѣлали всѣ наши студенческія дѣла вмѣстѣ. Сегодня онъ экзаменовался послѣ меня — я уфхалъ не дожидаясь результатовъ его экзамена, — и тоже во второй разъ.

— Сообщаю тебѣ, что «самъ» меня прогналъ, — сообщилъ онъ не успѣвъ снять пальто и почему-то улыбаясь.

— Не вижу особыхъ причинъ радоваться этому, — мрачно замѣтилъ я. — Ну, пойдемъ ко мнѣ. Рассказывай.

— Рассказывать особенно нечего, — сказалъ онъ, устраиваясь удобно на тахтѣ. — Посмотрѣлъ на доску, позвалъ служителя и велѣлъ стереть. Все. Не много? Однако, холодно съ мороза. Велика подать бутылочку чего-нибудь. А я кое-что предумалъ. Слушай внимательно и примѣчай. Извѣстно-ли тебѣ, что я москвичъ? Такъ. А извѣстно-ли тебѣ, что «самъ» тоже москвичъ и Московскаго университета? Нѣтъ? Два часа тому назадъ я тоже этого не зналъ...

— Не понимаю къ чему ты все это плетешь... Пей лучше, — попрежнему мрачно

Вь кудакомъ по бѣлу свету.

ЧУДОВИЩЕ ЛОХЪ - НЕССА ВЪ ШВЕЙЦАРИИ.

Молодежь одного изъ швейцарскихъ курортовъ, соорудила чучело лохъ-несского чудовища, которое фигурировало на саняхъ въ карнавальномъ шествіи. Надо предполагать, что его появленіе вызвало у зрителей бурю восторговъ.

ДАМСКАЯ ПРИЧЕСКА ЗА 34 ГОДА.

Профессиональная школа куафферовъ въ Парижѣ организовала ретроспективный смотръ дамскихъ причесокъ съ 1900 по 1934 г.г. На нашемъ снимкѣ прически 1900 г. (внизу) и современные прически: (наверху).

отвѣтилъ я, разливая подогрѣтое красное вино по стаканамъ. — Изъ Института все равно нужно уходить. Заранѣ знаю, что никакіе твои планы ни чему не помогутъ...

— Постой, постой... Какого числа въ январѣ есть экзаменъ по интеграламъ?

— Не помню. Сейчасъ посмотрю.

— Не грудись. 12-го. А что такое 12 января?

— 12 января? Среда, — сказать я, заглянуть въ календарь.

— Среда... Конечно, не воскресенье, разъ есть экзамены! Не въ этомъ дѣло. 12 янва-

ря день Святой Великомученицы Татьяны.

— Ну и Господь съ ней. Я никакой Татьяны не знаю.

— Я тоже. Но въ этотъ день мы съ тобой сдадимъ интегралы.

— Ты бредишь, родной мой. Если будемъ держать, то провалимся, какъ и сегодня. Спасенья нѣтъ. Для меня, — во всякомъ случаѣ.

— Ничего ты не понимаешь. Татьянинъ день праздникъ Москвы, потому что онъ праздникъ Московскаго Университета и всѣхъ его настоящихъ и бывшихъ студентовъ. И самъ «333» либо вовсе не явится на экзаменъ, либо будетъ такъ по праздничному настроенію, что не провалитъ никого. Фактъ. Самое вѣрное дѣло держать 12-го января. Завтра же и запишемся.

Смѣльскій меня убѣдилъ. На утро мы записались на 12 января въ «Канцелярію по студенческимъ дѣламъ». Рождество прошло шумно и весело. Мы не раскрыли ни одного учебника и не рѣшили ни одной задачи, а на экзаменъ пришли съ полной вѣрой въ успѣхъ.

...Когда въ аудиторію вошелъ грозный «333», мы не узнали его. Онъ радостно и широко улыбался, говорилъ любезныя слова. Когда онъ разговаривалъ со мной у доски, я обнаружилъ, что отъ него пахло шампанскимъ. На этотъ разъ задача Вивіани мнѣ не попала. Подойдя ко мнѣ, онъ даже не посмотрѣлъ на исписанную мною доску.

— Служитель, сотрите...

Я обмеръ. Вотъ тебѣ и Татьянинъ день!...

— Я помню, коллега, что вы предпочитаете въ рѣшеніи задачи Вивіани способъ, предложенный Пуанкаре, — заговорилъ «333», и мнѣ показалось, что голосъ его не такъ скрипѣлъ. — Изволите-те видѣть... Вотъ это гораздо проще...

Вооруженная мѣломъ рука «самого» быстро забѣгала по доскѣ. Вокругъ столпились студенты, видимо потрясенные необычайностью происходящаго передъ ихъ глазами.

— Такъ-съ... Понятно? Давайте вашу книжку...

И въ моей зачетной книжкѣ, въ графѣ «Математика 2-ая часть» появилось, наконецъ, волшебное слово «зачтено» и знаменитый «крючекъ».

— Математика — великая наука, — говорилъ разошедшійся «333» окружавшимъ его студентамъ. — Она — основа всего. Основа всякой науки, ибо она есть дисциплина ума и совершенная логика. Она — начало и конецъ...

Смѣльскій подъ шумокъ подsunулъ и свою книжку. За нимъ еще и еще. «333» безъ устали подписывалъ и все творилъ хвалу своей любимой наукѣ. Подписавъ послѣднюю книжку и пожавъ нѣсколько десятковъ студенческихъ рукъ, онъ вышелъ быстрымъ, молодымъ шагомъ изъ аудиторіи, окруженный зараженной его энтузиазмомъ молодежью, восторженно его провожавшей и кричавшей ему «ура»...

Самый «страшный» экзаменъ ушелъ въ прошлое...

М. Тимротъ.

ЭКРАНЪ

“LA BATAILLE”

НОВАЯ ПОСТАНОВКА «ЛИАНОФИЛЬМА»

Мы уже писали о томъ, что об-вомъ «Лианофильмъ» готовится къ постановкѣ «La bataille» по извѣстному роману того же имени Клода Фаррера. На дняхъ мы имѣли удовольствіе присутствовать на просмотрѣ этого новаго замѣчательнаго произведе-нія современной кинематографіи.

Фильмъ созданъ подъ руководствомъ Л. Гарганова, который поставилъ его въ такомъ размахомъ и вкусомъ, что можно безъ преувеличенія сказать, что фильмъ этотъ — одинъ изъ лучшихъ, вышедшихъ до сихъ поръ во Франціи.

Въ фильмѣ двѣ части: первая посвящена событіямъ романа, происходящимъ до боя, вторая изображаетъ самый бой. Первая часть цѣликомъ захватываетъ вниманіе зрителей тонкой, талантливой игрой исполнителей; вторая — подавляетъ грандіозностью своего замысла.

Главную роль — маркиза Юризакки исполняетъ лучшій французскій артистъ Шарль Буайе, которому удалось въ совершенствѣ передать типъ японскаго самурая-патріота, который приноситъ въ жертву родицѣ не только все свои силы, но и свое личное счастье. И потерявъ его, маркизъ лишаетъ себя жизни.

Роль его жены Митсуко съ несравненнымъ мастерствомъ великой артистки исполняетъ Анабелла. Хотя намъ, европейцамъ, и трудно судить о томъ, каковы японскія женщины, но Анабелла создаетъ такой убѣдительный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, трогательный типъ японской маркизы, что намъ кажется, что только такими и могутъ быть женщины современной Японіи.

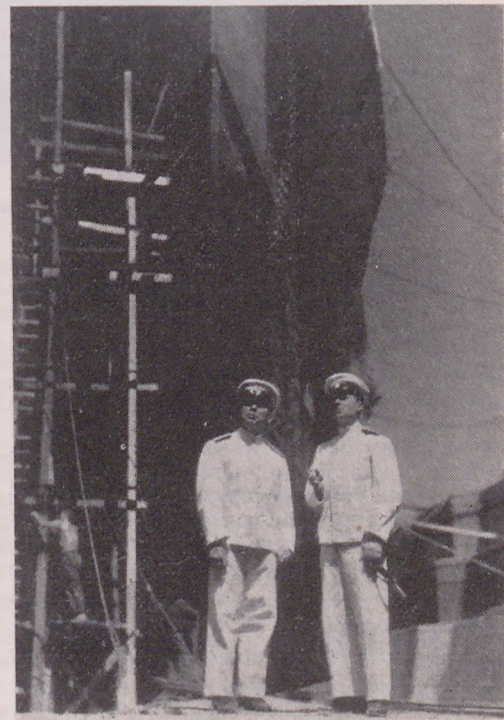
Бѣдная, маленькая маркиза не подозреваетъ того, что ея мужъ окружилъ ее западно-европейской обстановкой для того, чтобы она наиболѣе удачно способствовала достиженію его цѣлей. Однако, въ глубинѣ своей таинственной души японца — онъ ненавидитъ европейскую цивилизацію. Она же, принимая все за чистую монету, не на шутку увлеклась европеизмомъ и находится наканунѣ наденія. Но для Японіи наступаетъ серьезнѣйшій моментъ ея существованія. Предстоитъ грандіозная морская битва, которая рѣшитъ все: и если Японія побѣдитъ, Митсуко будетъ спасена. Послѣ гибели мужа, она вернется къ тому образу жизни, котораго такъ жаждетъ ея наирная, полудѣтская душа. Но это — страницы изъ романа Клода Фаррера, о которыхъ фильмъ умалчиваетъ.

Что же касается второй части фильма — самой главной, то надо отдать справедливость, что она производитъ дѣйствительно совершенно исключительное впечатлѣніе. Недаромъ во время просмотра фильма избалованная публика премьеры шумными аплодисментами нѣсколько разъ выражала свое восхищеніе.

Предъ зрителями проносятся самыя захватывающіе моменты современнаго морского боя, со всеми его подвигами, катастрофами, взрывами и потопленіями. Проходятъ грозныя эскадры, разрѣвая стальными корпусами кораблей волнующуюся гладь и поднимая тучи брызгъ. Океанъ пѣнится и бурлитъ точно кипящій котелъ. Въ неприятельское судно попала тяжелый снарядъ.

Военный корабль гибнетъ, опрокидывается

килемъ вверхъ и начинаетъ идти ко дну. На килѣ его зацѣпились гибнушіе люди. Нѣкоторые изъ нихъ бросаются въ волны вплавъ,

Соперники.

надѣясь спастись... Совершенно незабываемая картина!...

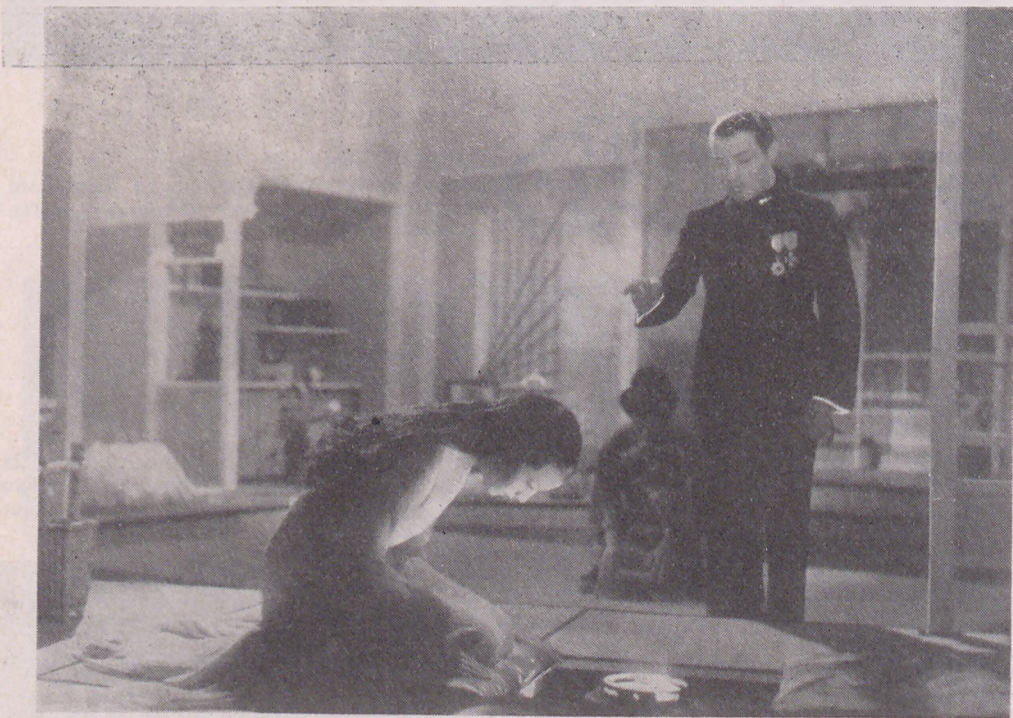
Такъ же безупречно поставлены отдельные сцены во время боя на японскомъ броненосцѣ. Гдѣ то начинается пожаръ... Тяжелые снаряды попадаютъ въ башню... Убитые, раненные... Маркизь Юризакъ руководитъ стрѣльбой... Внезапно въ одной изъ башенъ стрѣльба прекратилась. Японецъ бросается туда, за нимъ англійскій офицеръ - инструкторъ японскаго флота. Капитанъ Ферганъ любитъ его жену, но это не мѣшаетъ ему сопровождать маркиза во время рѣшительнаго боя, помогая совѣтами и указаниями образованнаго, морскаго офицера.

Наконецъ, благодаря хладнокровію маркиза, стрѣльба возобновляется. Снаряды противника непрерывно попадаютъ въ японскій броненосецъ. Юризакъ раненъ однимъ изъ осколковъ. Кто-то долженъ теперь взять на себя руководство этимъ отвѣтственнымъ постомъ на кораблѣ. Но воля японца непоколебима. Командовать стрѣльбой на японскомъ кораблѣ будетъ мистеръ Ферганъ — нейтральный англійскій офицеръ. Раненый, всей силой своего убѣжденія, старается внушить англійскому моряку, который влюбленъ въ его жену, что его вмѣшательство неизбежно. И Гербертъ Ферганъ понимаетъ все то, что не досказано, въ глазахъ все знающаго и все понимающаго Юризакки.

«Джентльменъ долженъ заплатить свой долгъ», думаетъ Ферганъ. Неувѣренными шагами идетъ онъ къ мѣсту командира. Онъ —

Матсуко и капитанъ Ферганъ.

Жертвоприношеніе въ честь предковъ.

нейтральный офицеръ, долженъ выступить съ оружіемъ въ рукахъ противъ страны, которая не причинила зла ни его родинѣ, ни его королю...

Еще минуты колебанія... Но сила воли раненаго оказывается сильнѣе воли англичанина. И вдругъ властно и твердо раздается его команда:

— Шесть тысячъ двѣсти метровъ... Восемь миллиметровъ влѣво... Огонь...

Морской бой оконченъ... Врагъ потерпѣлъ поражение. Раненый Юризакки обходитъ поврежденный броненосецъ. Безмолвными рядами стоятъ гробы убитыхъ моряковъ. Одинъ изъ

нихъ покрытъ англійскимъ флагомъ. Это все, что осталось отъ капитана Фергана. Маркизь отдаетъ честь праху своего соперника. Онъ былъ джентльменомъ.

Юризакки тоже не хочетъ больше жить. Онъ исполнилъ свой долгъ. Японія побѣдила. Но его личная жизнь не удалась. Его любовь къ маленькой Митсуко разбита страшнымъ смерчемъ войны. И въ то время, какъ кругомъ раздаются побѣдные клики, Юризакки кончаетъ съ собой...

На просмотрѣ этого замѣчательнаго филь-

ма присутствовало самое избранное парижское общество. Было много элегантныхъ дамъ, а также представители литературы, искусства и артистическаго міра.

Рѣзко выдѣлялась внушительная фигура Шалюшша. Былъ авторъ романа, послужившаго сценаріемъ къ фильму, Клодъ Фарреръ, А. Сарро, морской министр, который предоставилъ французскіе военные корабли для съемокъ и, наконецъ, несравненная Анабелла — исполнительница роли Митсуко.

По окончаніи представленія, присутствовавшая публика наградила исполнителей, режиссеровъ и г. Гарганова, продолжительными аплодисментами. Таланты и усилія, приложенные къ созданію этого монументальнаго фильма, были оценены по заслугамъ.

Эмро.

4-й ТИРАЖЪ ФРАНЦУЗСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛОТЕРЕИ

Билетъ № 76523 серіи I выигралъ 5.000.000. По одному миллиону фр. выиграла билеты:

Y 09414	N 71674
T 86550	A 06713
J 56848	H 86711
N 93656	J 95218
G 52037	V 55924
X 50186	U 25772
X 77120	T 16082
T 93034	

Во всѣхъ серіяхъ №№ 47276 выиграла по 500.000 фр.

Номера, оканчивающіеся на:

5.304	выиграла по.....	100.000 фр.
6.291	» »	50.000 фр.
955	» »	10.000 фр.
8	» »	200 фр.

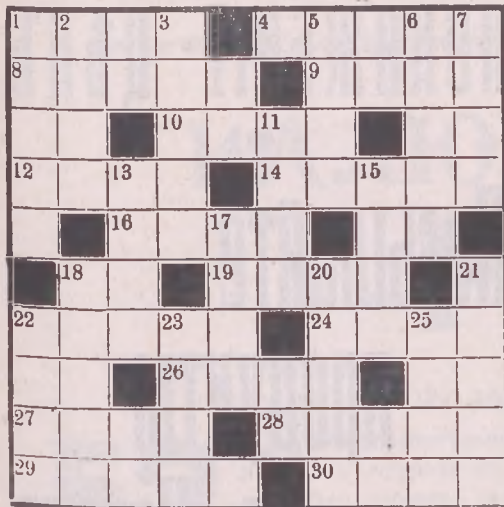
MIKADO

55, Boulevard Rochechouart
Единственный русскій уголокъ въ Парижѣ,
гдѣ вы можете вспомнить старину и ежедн.
слыш. отъ 5-7 ч. в. и отъ 8.30-12 ч. ночи

С. ДАНИЛЕВСКАГО и 12 Виртуозовъ балалаечниковъ
ex «Prado»
подъ упр. Л. И. ГОНЧАРОВА при уч. А. ВОРОНОВА (вир. гармонистъ).
Г. И. ДАНЮШИНА (бар. Моск. оп.), П. ЛЕПОРСКАГО и Е. МАЛЬЦЕВА.

КРЕСТОСЛОВИЦЫ

ЗАДАЧА № 449

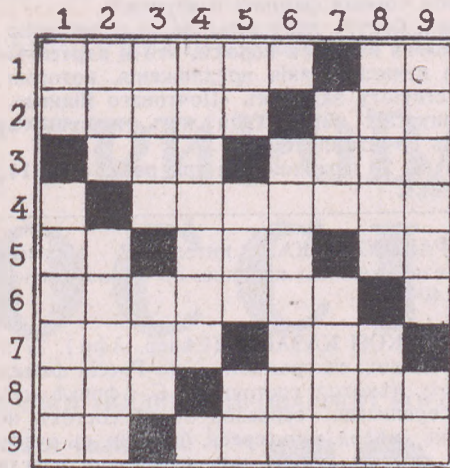
Горизонтально:

1. Место купания на Адриатическом морѣ. 4. Знатная римлянка. 8. Мудрецъ. 9. Городъ въ Алжирѣ. 10. Народный классъ въ древней Греціи. 12. Французскій генераль. 14. Русская обувь. 16. Мечта каждой русской эмигрантки. 19. Потеря. 22. Турецкое торжество. 24. Жидкости. 26. Женское уменьшительное имя. 27. Приставка, которой гордились многія военныя части. 28. Французское женское имя. 29. Нѣмецкое мужское имя. 30. Часть названія города въ Палестинѣ.

Вертикально:

1. Швейцарскій композиторъ. 2. Сортъ французскаго вина. 3. Причина ссоры. 5. Военская единица. 6. Изгородь. 7. Французское женское уменьшительное имя. 11. Французскій историкъ. 13. Прародитель. 15. Декоративный предметъ. 17. Имя древняго римскаго царя. 18. Головной уборъ. 20. Военныя дѣйствія. 21. Кавказское блюдо. 22. Жиръ. 23. Имя популярнаго карикатурнаго героя. 25. Французскій политическій дѣятель.

ЗАДАЧА № 450

Горизонтально:

1. Мужское имя. Восклицаніе. 2. Растеніе. Четвероногое. 3. Болѣзнь. Маркизь. 4. Фасонъ драгоценнаго камня. 5. Театральный терминъ. 6. Лекарство. 7. Мужское имя. Строительный материалъ. 8. Часть лица. Снаружь звѣролова. 9. Принадлежность живописи.

Вертикально:

1. Ровно. 2. Названіе великой страны. Неприятный инструментъ. 3. Сортъ глиняной посуды. Карточный терминъ. 4. Дерево. 5. Лѣсъ. 6. Принадлежность живописи. 7. Военная единица въ запорожскомъ казачествѣ. Англійскій генераль. 8. Экипажъ. Жидкость для отдѣлки дерева. 9. Плодъ. Предлогъ.

РЪШЕНИЕ ЗАДАЧИ № 447

Горизонтально:

1. Лапа. 5. Плата. 9. Ивеса. 11. Ивар. 12. Веники. 13. Еге. 14. Енос. 16. Непир. 18. Проти. 20. Крит. 23. Лис (Рейнеке). 24. Неруда. 26. Асти. 27. Маран. 28. Скоро. 29. Навы.

Вертикально:

1. Ливан. 2. Анет. 3. Пен. 4. Асир. 6. Аве-

вир. 7. Тагор. 8. Арес. 10. Акант. 15. Кристо. 17. Еинем. 18. Приск (Тарквиній). 19. Уланы. 20. Клас. 21. Иран. 22. Удав. 25. Ура.

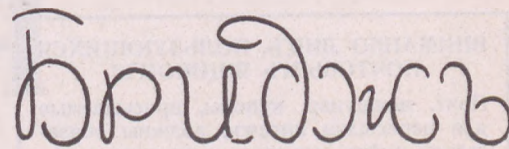
РЪШЕНИЕ ЗАДАЧИ № 448

Горизонтально:

1. Кредо. 4. Нол. 7. Сума. 8. Пора. 9. Ида. 10. Савин. 11. Алтар. 14. Ирина. 17. Емили. 19. Краса. 21. Ива. 23. Марк. 24. Исак. 25. Ева. 26. Франт.

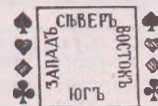
Вертикально:

1. Кси. 2. Руда. 3. Емали (и Камен). 4. Нов. 5. Орик. 6. Ланер. 8. Парни. 10. Саима. 12. Треск. 13. Лакме. 15. Алиса. 16. Нрав. 17. Иван. 20. Ара. 22. Акт.

ЗАДАЧА № 42

- ♠ К, В
- ♣ 5
- ♦ Д, 9, 5, 3, 2
- ♥ Тузь, В, 8, 7, 3

- ♠ Тузь, Д, 10, 9, 6, 3
- ♥ К, 4
- ♦ —
- ♣ К, 9, 6, 4, 2

Югъ назначилъ 6 пикъ. Западъ-Востокъ ничего не предложили. Западъ пошелъ съ маленькой трефы. Какъ долженъ играть Югъ, чтобы наилучшимъ образомъ выиграть игру.

РЪШЕНИЕ ЗАДАЧИ № 41

Югъ.

1. К червей
2. 6 пикъ
3. Д червей
4. 3 бубень

Западъ

1. Тузь червей
2. Д пикъ
3. К пикъ
4. 5 червей

Сѣверъ.

1. 2 червей
2. Тузь пикъ
3. 8 пикъ
4. 9 червей
5. В червей

Востокъ.

1. 3 червей
2. 9 пикъ
3. 10 пикъ
4. 7 червей

Теперь Востокъ принужденъ сбрасывать. Югъ сбрасываетъ, при тузѣ бубень 8 трефъ, при В трефъ 10 бубень.

Если же Западъ не возьметъ первой взятки или же если Западъ пойдетъ съ 2 червей, игра въ дальнѣйшемъ упрощается.

Б. Поставщ. Высоч. Двора.

скую водку: ЦАРСКУЮ № 40, ЗНАМЕН. № 21, ЗУБРОВКУ № 19 (наст. свѣж. травы Зубровка) ВИШНЕВКУ, СПОТЫКАЧЪ, — Т/Д ПЕТРА СМИРНОВА С-Я ИЗЪ МОСКВЫ. хотя и издѣл. нашей фирмы были и дороже мѣстныхъ. Наши водки пригот. изъ лучш. рект. спирта, очищ. черезъ спец. аппар., отним. вредныя для здоровья эфирн. и сивушн. масла. Недаромъ за высок. дост. издѣл. въ прод. долг. лѣтъ Фирма удост. наивыс. нагр. изобр. 4 Госуд. герб. и званія Пост. Высоч. Двора и мн. медалей. Всѣ секр. и рец. П. А. СМИРНОВА въ рукахъ его сына и наслѣд. В. П. СМИРНОВА, 17 лѣтъ лично завѣд. дѣломъ.

КЪ НАШЕМУ НОВОМУ ГОДУ!! ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ! ВСЕМИРНО ИЗВѢСТНЫЯ ВОДКИ и НАЛИВКИ Т/Д ПЕТРА СМИРНОВА С-я. Качество, по прежн. внѣ конкур. Просимъ обрац. вним. на печать. Для зак. тел. Défence 07-72, Courbevoie, Paris. За усл. продажи или арен. Фирмы обрац. исключительно къ Предсѣдателью Правленія В. Смирнову, 52, rue Lamartine, Nice, France.

Ни довѣрен., ни уполном. Фирма не имѣетъ. Братья Н. П. и В. П. СМІРНОВЫ.

Русская КОНСЕРВАТОРІЯ въ Парижѣ

10-ый
УЧЕБНЫЙ
ГОДЪ

Россійскаго Музыкальнаго Об-ва за-границей.
Почетный Предсѣдатель С. В. Рахманиновъ.
Почетные профессора А. К. Глазуновъ и Н. К. Метнеръ.
Директоръ кн. С. Волконскій.

10-ый
УЧЕБНЫЙ
ГОДЪ

Плата 100-150 фр. въ мѣс. — Дѣти 75-100 фр.
Секретаріатъ Консерваторіи открытъ ежедневно отъ 4 до 6 ч. веч.
26, Avenue de Tokio (16), tél.: Kléber 82-54.

Почтовый ящик

Приводимъ условия, на которыхъ допускается участіе читательницъ и читателей «Иллюстрированной Россіи» въ нашемъ почтовомъ ящикѣ:

1. Хотя предложенія вступить въ переписку будутъ печататься подъ инициалами — Редакція должна имѣть въ своемъ распоряженіи точныя фамиліи и адреса.
 2. Письма, поступающія на имя объявителей, будутъ пересылаться по назначенію только въ томъ случаѣ, если отправитель не живетъ въ томъ городѣ, что и адресатъ.
 3. Редакція оставляетъ за собою право не печатать такія предложенія, которыя по духу своему, содержанию или стилю не соотвѣтствуютъ задачамъ «Почтоваго Ящика».
 4. На пересылку писемъ — прилагать французскія марки (для лицъ, живущихъ въ Франціи), международный почтовый купонъ со штемпелемъ.
- За помѣщеніе объявленія установлена цѣна въ 20 франковъ за три раза. (или 14 международныхъ почтов. купоновъ со штемпелемъ).

ВНИМАНІЮ ЛИЦЪ, ПОЛЬЗУЮЩИХСЯ ПОЧТОВЫМЪ ЯЩИКОМЪ!

Почт. междунар. купоны, присылаемые для пересылки писемъ, должны обязательно имѣть штемпель почтоваго отдѣленія, которое ихъ выдаетъ. Отсутствіе штемпеля на купонѣ лишаетъ его всякаго значенія.

Лица, отвѣчающія на письма, должны адресовать отвѣты на адреса, имѣющіеся въ началѣ писемъ, а не на номера — въ концѣ.

«Разыск. адресъ б. Петрогр. психографолога и гипнотизера Моргенстерна. Сообщ. Mr. Samoiloff, 16, rue de Téhéran, Paris 8e. 453

СОВЕРШЕННО ОДИНОКАЯ, русская изъ Латвіи, хочу переписки съ соотечественниками. 438.

34 ЛѢТЪ холост., интелл. имѣющ. соб. небольш. торг. дѣло желаетъ переписыв. съ дѣвушкой или вдовой серьезн. искренн. скромн., «не модернъ» любящ. семейную жизнь, чутк. и матеріально не заинтересован. 444.

Н. Н. Не боящійся жизни, сильный 35-лѣтній мужч. желалъ бы вступ. въ переписку съ так. же особой, любящ. семейн. жизнь. 444.

РАБОЧИЙ, обезпеч. трудомъ въ провинц., 30-ти лѣтъ, москвичъ, жел. вступ. въ переписку съ серьезн. цѣлью съ дѣвушкой или вдовой, соотвѣтств. возраста. 445.

ФРАНЦУЖЕНКА, интеллиг. образов., серьезн., жел. бы перепис. съ образ. господ. отъ 40-50 л. 445

ДОНСКОЙ КАЗАКЪ. (Сѣвер. Афр.). 27 л. сов. одинок. съ громкой — по Россіи фамил. распол. нѣкотор. состоян. въ С. Африкѣ жел. бы переписыв. серьезно съ не состоят. но красив., молод. и интересн. барышн. съ русск. вкус. и покр. любящ. хоз. и природу, а если есть то и родители, котор. могли бы въ буд. пом. мнѣ въ эсплоат. имѣнія. При отвѣтѣ пр. подписыв. и выслать фотогр. Отвѣчу только на серьезн. письмо. Тайна обезпечена. По просьбѣ возвращу письмо и фотографіи. 449

ОДИНОКИИ 46 ЛѢТЪ, работающ. во франц. пров. ищетъ переписки съ женщ. соотвѣтств. возраста, живущей во Франціи. Цѣль серьезная. 449

ЖЕНЩИНА 35 ЛѢТЪ желаетъ вести переписку съ людьми — возрастъ безразличный. 450

ИНТЕЛ. ГОСПОДИНЪ среднихъ лѣтъ, желалъ бы перепис. со скромной дамой, люб. уютъ. Иностр. родившійся въ Россіи. 450

А. В. Р. Одинокая интеллиг. дама жел. вступить въ переписку съ господ. почт. лѣтъ, порядочн. и отзывчив. Очень серьезно. Отвѣчу на каждое письмо. 450

Metr. 5270. Кто поможетъ переписк. сохр. способн. мыслить и чувствовать? Масса пережив. хотѣлось бы подѣлиться съ русской. 7 лѣтъ Африки. 1 годъ Легіона. 450

РУССКАЯ СРЕДНЯЯ ШКОЛА ВЪ ПАРИЖѢ

XV учебный годъ. имени леди Лидіи Павловны Детердингъ. XV учебный годъ. (ГИМНАЗІЯ И РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ)
29, Boul. d'Auteuil, Boulogne-s.-Seine (Métro: Porte d'Auteuil ou Molitor)
Пріемъ во всѣ классы (два подготовительныхъ: I-VIII).

Издательство и книжный магазинъ

«ДОБРО»

ВАРШАВА, УЛ. КРАКОВСКОЕ ПРЕДМѢСТЬЕ 53

Почтовый адресъ:

Księgarnia «DOBRO», skrzynka pocztowa 192, Varsovie, Pologne.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ КНИГЪ, ИЗДАННЫХЪ ВЪ РОССІИ И ЗА РУБЕЖОМЪ ПО ВСѢМЪ ОТРАСЛЯМЪ ЗНАНІЯ.

БЫСТРОЕ И АККУРАТНОЕ ВЫПОЛНЕНІЕ ЗАКАЗОВЪ НА ДОВОЕННЫЯ ИЗДАНИЯ ПО ВЕСЬМА УМѢРЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ.

ПРИЕМЪ ПОДПИСКИ НА ВСѢ ВЫХОДЯЩІЯ ЗА РУБЕЖОМЪ РУССКІЕ ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ ПО РЕДАКЦИОННЫМЪ ЦѢНАМЪ.

КАТАЛОГИ И ПРОСПЕКТЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО ПО ПЕРВОМУ ТРЕБОВАНІЮ.

БОЛЬШОЕ ПОНИЖЕНІЕ ЦѢНЪ Посылайте продукты въ Россію

ГАРАНТИРУЕМЪ КАЧЕСТВО И ДОСТАВКУ ВЪ РОССІЮ ВЪ ТЕЧЕНІЕ 15 ДНЕЙ

НЕОБХОДИМѢЙШЕ ПРОДУКТЫ:

Чистый вѣсъ посылки до 8,5 кило

Цѣны за кило со всѣми безъ исключенія расходами.

Мука выс. сорта	7.—
» пшееничная	5.20
Манная крупа	8.—
Гречневая »	5.—
Перловая »	4.25
Пшено	3.90
Рисъ 1 сортъ	13.—
Макароны	7.—
Вермишель	4.—
Сахаръ-рафинадъ	9.50
» песокоъ	8.50
Молоко сгущен. 1000 гр.	12.—
Масло сливочн.	22.—
» подсолнечное	12.—
Сыръ Швейцарскій	24.—
Сало топленое	24.—
Колбаса	26.—
Грудинка	21.—
Шпроты 300 гр.	8.—
Кильки 400 гр.	9.—
Скумбрія 250 гр.	4.50
Какао 250 гр.	16.—
Шоколадъ плитками 200 гр.	12.—
Чай 200 гр.	19.—
Кофе Мокко 1 кило	45.—
Мыло хозяйств.	10.—
Печенье 500 гр.	8.—
Варенье 500 гр.	7.—

Заказы и деньги могутъ высылаться: «La Russie Illustrée», 24, rue Clément-Marot, VIIIe — наличными, чекомъ или почтовымъ мандатомъ, или взносомъ на нашъ почтовый текущій счетъ № 671-81.

ПРОДАЖА

«ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ РОССІИ»

въ ШАНХАѢ производится въ Книжномъ Магазинѣ «СКИФЫ».

289, Av. du Roi Albert. Shanghai.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1934-ЫЙ ГОДЪ

на самый большой русскій иллюстрированный журналъ, издающійся въ Парижѣ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ РОССІЯ

ВЪ 1934 ГОДУ ПОДПИСЧИКИ «ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ РОССІИ» ПОЛУЧАТЬ:

52

НОМЕРА (еженедѣльно) богато иллюстрированного журнала съ произведениями выдающихся русскихъ и иностранныхъ авторовъ, разсказами, очерками, воспоминаніями, собственнымъ репортажемъ, каррикатами и обильнымъ фотографическимъ матеріаломъ изъ жизни Сов. Россіи и всего міра.

и 52

КНИГИ литературныхъ приложений (еженедѣльно) БИБЛИОТЕКИ

«ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ РОССІИ»

52 книги приложений "Иллюстрированной Россіи" состоятъ изъ:

19 КН. - ОКОНЧАНІЕ ПОЛН. СОБР. СОЧ.	Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО
20 КН. - ОКОНЧАНІЕ ПОЛН. СОБР. СОЧ.	Л. Н. ТОЛСТОГО
5 КН. - ОКОНЧАНІЕ ПОЛН. СОБР. СОЧ.	Н. В. ГОГОЛЯ
1 КН. - СКАЗКИ ДЛЯ ДѢТЕЙ	А. С. ПУШКИНА
1 КН. - РАЗСКАЗЫ	МАЙНЪ РИДА
2 КН. - „ЗАПИСКИ ОХОТНИКА“	И. С. ТУРГЕНЕВА
1 КН. - ОКОНЧАНІЕ „ВОСПОМИНАНІЙ“	Вел. Кн. Александра Михайловича
2 КН. - Морскіе разсказы „ФЛОТЪ“	А. П. ЛУКИНА Капитана 2-го ранга
1 КН. - Очерки „БУРСЫ“	Н. ПОМЯЛОВСКАГО

ВСЕГО 52 КНИГИ

ОТПЕЧАТАНЫ НА ХОРОШЕЙ БУМАГѢ ЧЕТКИМЪ ШРИФТОМЪ ВСЕГО ОКОЛО 10.000 СТРАНИЦЪ.

Условія подписки на 1934-й годъ

Безъ приложений (52 №№)					Съ приложениями (52 №№ и 52 книги)				
Франція и колоніи	Въ Европѣ	Въ Польшѣ	Внѣ европ. страны	Сѣв. Амер. и Дальн. Вост.	Франція и колоніи	Въ Европѣ	Въ Польшѣ	Внѣ европ. страны	Сѣв. Амер. и Дальн. Вост.
110 фр.	140 фр.	42 зл.	175 фр.	150 фр.	270 фр.	365 фр.	125 зл.	400 фр.	350 фр.
60 фр.	75 фр.	23 зл.	100 фр.	80 фр.	На 12 мѣс. Подписчики съ приложениями принимаются только на годъ, т. е. на 52 книги во избѣжанія разрозненности комплектовъ и авторовъ.				
35 фр.	40 фр.	12 зл.	50 фр.	45 фр.					
12 фр.	15 фр.	4 зл.		или въ долл. по курсу дня					

ДЛЯ ГОДОВЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА.

Франція и колоніи	Въ Европѣ	Въ Польшѣ	Внѣ европ. страны	Сѣв. Амер. и Дальн. Вост.	При подп.:	Франція и колоніи	Въ Европѣ	Въ Польшѣ	Внѣ европ. страны	Сѣв. Амер. и Дальн. Вост.
35 фр.	40 фр.	7 зл.	50 фр.	50 фр.	1 марта	70 фр.	115 фр.	25 зл.	100 фр.	100 фр.
15 фр.	20 фр.	7 зл.	25 фр.	20 фр.	1 мая	40 фр.	50 фр.	20 зл.	60 фр.	50 фр.
15 фр.	20 фр.	7 зл.	25 фр.	20 фр.	1 июля	40 фр.	50 фр.	20 зл.	60 фр.	50 фр.
15 фр.	20 фр.	7 зл.	25 фр.	20 фр.	1 сентябр.	40 фр.	50 фр.	20 зл.	60 фр.	50 фр.
15 фр.	20 фр.	7 зл.	25 фр.	20 фр.	1 ноябр.	40 фр.	50 фр.	20 зл.	60 фр.	50 фр.
				или въ долл. по курсу дня						или въ долл. по курсу дня
110 фр.	140 фр.	42 зл.	175 фр.	150 фр.		270 фр.	365 фр.	125 зл.	400 фр.	350 фр.

Въ Польшѣ годовые подписчики могутъ вносить ежемѣс. безъ приложения по 3,5 зл., и съ приложеніемъ по 10 зл. 40 гр.

Подписчики съ приложениями, внесшіе плату за весь 1934 г. сразу впередъ, получаютъ особую премію: 2 книги.

ТРЕБУЙТЕ ИЛЛЮСТР. ПРОСП. БЕЗПЛАТНО!

Спеціальная подписка съ ДВУХГОДИЧНЫМИ приложениями

Для новых подписчиков желающих теперь получить также и I серию Пол. Собр. соч. Достоевского, Толстого, Гоголя, Некрасова и др. 48 кн. выданных въ 1933 г.

Открыта специальная подписка на 52 №№ ЖУРНАЛА и 100 КНИГЪ двухгод. приложений (1933 и 1934)

34 КН. - ПОЛНАГО СОБР. СОЧИНЕНИЙ	Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО	4 КН. - для дѣтей: сочин. А. С. ПУШКИНА
34 КН. - ПОЛНАГО СОБР. СОЧИНЕНИЙ	Л. Н. ТОЛСТОГО	" МАЙНЪ РИДА
10 КН. - ПОЛНАГО СОБР. СОЧИНЕНИЙ	Н. В. ГОГОЛЯ	" САШИ ЧЕРНАГО
3 КН. - ПОЛНАГО СОБР. СОЧИНЕНИЙ	Н. А. НЕКРАСОВА	и СКАЗКА КОНЕКЪ ГОРБУНОКЪ
2 КН. - "Записки Охотника"	И. С. ТУРГЕНЕВА	2 КН. - Морскіе рассказы "ФЛОТЪ"
3 КН. - впер. по русски ВОСПОМИНАНІЯ	Вел. Кн. Александра Михайловича	2 КН. - Собр. по исторіи зити-больш. дѣлж.
2 КН. - "Крушеніе Великой Имперіи"	Миссъ БЬЮКЕНЕНЪ	3 КН. - произведенія сов. авторовъ
		1 КН. - Очерки "БУРСЫ"
		А. П. ЛУКИНА Капитана 2-го ранга
		"БЫЛОЕ" Подъ редакціей в. л. БУРЦЕВА
		Мих. ЗОЩЕНКО, Бор. ПИЛЬНЯКА и Вяч. ШИШКОВА
		Н. ПОМЯЛОВСКАГО

ВСЕГО 100 КНИГЪ отпечатанных четкимъ шрифтомъ свыше 20.000 стр. на плотной бумагѣ.

УСЛОВІЯ СПЕЦІАЛЬНОЙ ПОДПИСКИ НА 52 №№ И 100 КНИГЪ.

	Франція и колоніи	Европа	Польша	Внѣ европ. страны	Сѣв. Амер. и Дальн. Вост.
На 12 мѣс.	430 фр.	580 фр.	208 зл.	630 фр.	570 фр.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ НЕМЕДЛЕННО 48 КНИГЪ И ЕЖЕНЕДѢЛЬНО ПО ОДНОЙ КНИГЪ ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1934 Г.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА

При подп.:	Франція и колоніи	Европа	Польша	Внѣ европ. страны	Сѣв. Амер. и Дальн. Вост.
1 марта	130 фр.	180 фр.	58 зл.	180 фр.	170 фр.
1 мая	60 фр.	80 фр.	30 зл.	90 фр.	80 фр.
1 іюля	60 фр.	80 фр.	30 зл.	90 фр.	80 фр.
1 сентябр.	60 фр.	80 фр.	30 зл.	90 фр.	80 фр.
1 ноябр.	60 фр.	80 фр.	30 зл.	90 фр.	80 фр.
	430 фр.	580 фр.	208 зл.	630 фр.	570 фр.

ВЪ ПОЛЬШѢ ПОДПИСЧИКИ МОГУТЪ ПРИ ПОДПИСКѢ ВНЕСТИ 58 ЗЛ. И ЕЖЕМѢСЯЧНО НАЧИНАЯ СЪ 1 ФЕВРАЛЯ ПО 13 ЗЛ. 60 ГР. (11 МѢСЯЦЕВЪ).

ПОДПИСЧИКИ ВНЕСШЕ ВСЮ СУММУ ЗА ГОДЪ ВПЕРЕДЪ ПОЛУЧАЮТЪ ОСОБУЮ ПРЕМИЮ 5 КНИГЪ.

Подписка принимается въ главной конторѣ журнала и по почтѣ чекомъ, почтовымъ мандатомъ, или взносомъ на Chèques postaux 671-81 à Paris

"La Russie Illustrée"

24, RUE CLEMENT-MAROT, PARIS (8e) Balzac 19-52
Старыхъ подписчиковъ просятъ указать № бандероли.

Въ Парижѣ подписка принимается и по телефону и открытымъ письмомъ, инкассация почтальономъ. (Для перевода денегъ во Францію изъ странъ, гдѣ это сопряжено съ затрудненіями, рекомендуемъ подписчикамъ вносить плату въ мѣстной валютѣ по курсу дня нашимъ представителямъ).

Австрія	Литва	Румынія	Сирія	Югославія	НАШИ КОНТРАГЕНТЫ ВО ФРАНЦИИ:
J. PERSKY. — Mechtharistengasse, 4, Wien VII.	« LETA ». — L. Smils iela 3, Riga.	Sutter str., San-Francisco.	ni Palais Kotwa, Praha I.	KARPENKO. — Ul. Zara Dousana, 84, Belgrade.	G. IAVORSKY. — 24, rue de Marseille, Lyon (Rhône).
Англія	« SPAUDA ». — Maironio g. 5a, Kaunas.	RUSSIAN BOOKSHOP. — 4965, Sunset Blvd, Hollywood.	L. KRESE. — Русскій Народный Домъ Подкарпатск. Рус. Uzgorod Эстонія	Издательство « Vozrozhdenije ». — Dobrinska Ul. 12, Бѣлградъ.	LIBRAIRIE PAPETERIE « OFENIA ». — 28 bis, rue Nationale, Billancourt (Seine).
« RODNOYE SLOVO ». — Coptic Street, 32, London W. C. I.	Палестина	Румынія	A. SCHULZ. — Морская ул. дом. 36. кв. 29. Тел. 436-19. Tallinn.	« UNION SLAVE ». — Frankopanova, 24-26. Postfach 136. Belgrade.	GUIRTCHITCH. — Lycée Carnot, Tunis (Tunisie).
Болгарія	ZWY STEIMATZKY. — P. O. B., 196, Tel-Aviv.	S. MILSTEIN. — Strada Gogol, 39, Chisinau.	Югославія	N. ARYA. — Palmoticeva 64 a, st. 8, Zagreb.	KOLENSKY. — Maison Russe, Saint-Michel-sur-Orge (Seine-et-Oise).
N. ALEXEEFF. — Boite postale 188, Sofia.	Персія	G. REIDIBOIM. — 89, r. Lion, Ras Beyrouth, Tokio	Июгославія	PAVLOVSKY. — Zrinska 19, Novi-Sad.	BEKETOFF et CHEV-TCHENKO. — Vesines par Montargis (Loiret).
Германія	LEON AMIRKHANDIAN, — Tauris.	Mr. B. P. BALKOFF. — Hongo Iushima 4-ch. 3.	Южная Америка	LIBR. « UNION ». — 62, rue de France, Nice (Alpes-Maritimes).	Книжные магазины:
«GRAD KITESCH» Berlin W. 62, Kleist-str. 21.	KARL HAERTEL. — Teheran.	G. PAKHALOFF. — 385, Grand-Rue de Péra, Stamboul.	« ZNANIE ». — Grand-Rue de Péra 388, Stamboul.	«ВОЗРОЖДЕНИЕ» 2, rue de Sèze, Paris (9 ^e).	«МАЯКЪ» 3, r. Laugier, Paris (17 ^e).
Греція	N. SOUPROTIVNY. — Tehar Rah Conte Mansil Mohana, Teheran.	« FINLANDIA ». — J. SAVOLAINEN. — Bulevardinkatu 17 e., as. 16, Helsinki.	Финляндія	ПОВОЛОЦКІЙ 13, rue Bonaparte, Paris (6 ^e).	«МОСКВА» 9, rue Du puytren, Paris (6 ^e).
GIANOPOULO. — Rue Panepistimion 85, Athènes.	Польша	AKADEMISKA BOKHANDL. — Aleksandersgatan 7, Helsinki.	Чехословакія	Libr. « KAMA ». — 27, r. de Villiers, Neuilly-sur-Seine.	
R. CHIMCHI. — 19, rue Tsimiski, Salonique.	NASZE WREMJA. — Jagiellonska 6-19, Wilno.	A. REICHE. — Représentant. Kellomaki.	« PLAMJA ». — Revoluc-		
Дальній Востокъ	MOLWA CHOCIMSKA 35 m. 14, Warszawa.	A. IWANKOFF. — Linpankatu, 8, Wyborg.			
M. ZAITSEFF. — 82, Kitaitskaya str., Harbin.	« RUCH ». — Al. Jerozolimskie 63, Warszawa.				
Египетъ	Кн. маг. ДОБРО. — Краков. пред. 53. Warszawa.				
BIBLIOTHEQUE RUSSE. — 2, rue Bank el Watani, Le Caire.	Сѣверная Америка				
Италія	« NOVOYE RUSSKOYE SLOVO ». — 413 East 14 th. St. New-York.				
S. PEVSNER. — Via Vincenzo Monti 15. Milano Tél. 12-995.	V. ANITCHKOFF. — 1661, O'Farrel str., San-Francisco.				
Латвія	« NOVINKA ». — 2092				
ED. PETZHOLZ. — Skunuela 16, Riga.					

Также можно, извѣщая насъ открытымъ письмомъ, вносить въ мѣстной валютѣ по курсу дня:

Въ Польшѣ P. K. O. 190-151. Warszawa.
Въ Латвіи Pasta Tekosu Rekinu Riga № 4712.
Въ Югославіи Postanska Stedioniza Belgrade № 66542.
Въ Эстоніи Posti Jooksey arve Tallinn № 253.

Въ Германіи Postschekkonto-Berlin № 149081.
Въ Чехословакіи Postovni Sportelna Praha № 79911.
Въ Греціи Banque Nationale de Grèce. Siège social, Athènes.

Клиника для рожениц

напротив парка
Buttes Chaumont

Въ Клиникъ принимаютъ извѣст. франц. и русск. профессора. Консульг. ежедневно отъ 1-3 ч. поп. и отъ 6-8 веч. Assurances Sociales 6, rue de l'Atlas, 6. Métro: Belleville, tél. Nord 46-65

самыя выгодныя условія

ФРАНКО-РУССКАЯ КЛИНИКА д-ра Г. ЭТИНГЕРА

168-ter, AV. DE NEUILLY, Neuilly s/S. — TEL. GALVANI 95 - 50.

Постоянныя кровати. При клиникѣ круглыя сутки находится врачъ. Консультація извѣстныхъ профессоровъ. Плата за содержаніе стационарныхъ больныхъ отъ 40 фр. въ сутки. Приѣмъ роженицъ. Тщательный уходъ. Полный комфортъ. Рентгеновскій кабинетъ. Ультра-фиолет. лучи. Свѣтовые ванны. Курсъ общаго и частичнаго худѣнія. Справки лично и письменно по первому требованію.

Пар. Ун.

Марія Ник. СОПРУНОВА

Д-ръ Мед. Моск. Ун. Берл. Ун. кл. пр. Штрасмана. ЖЕН. БОЛ. и АКУШЕРСТВО. Еж. 2-4 ч. 11, Av. Motte-Picquet. Ségur 69-74.

ВЕТЕРИНАРНАЯ КЛИНИКА

Проф. Н. А. ИЛЬИНА

Приѣмъ: 2-6, кромѣ воскр. 45, avenue Emile Zola, 45
Тél.: Vaugir. 18-99.

ПАНСИОНЪ, ВАННЫ, СТРИЖКА

Перемѣна адреса

Д-ръ ХМЪЛЕВСКІЙ

Импер. Москов. Универ.

Внутр. и нервн. бол.

36, rue Fondary. Paris (XV°).

Тél.: Suffren 43-90.

М-о: Commerce et Motte-Picquet.

Профессоръ

Е. М. Вайнштейнъ

АКУШЕРСТВО и ЖЕНСК. БОЛ. (ХИРУРГІЯ)

4, SQUARE THIERS (уг. 155, av Victor-Hugo), Passy 80-30.

Приѣмъ отъ 5-7 час. и по соглас.

УРОКИ АВТОМОБИЛЬНОЙ ѢЗДЫ на машинѣ 1934.

ACADEMIE D'AUTO DES CHAMPS ELYSEES

Курсъ — 140 фр. Въ срочн. случ. экзаменъ въ 2 дня.

БЕНЗИНЪ и МАСЛО ЛУЧШ. КАЧ. ПО ЗАВОДСК. ЦѢНАМЪ.

- 1) 78, Av. des Champs Elysées (въ глубинѣ пассажа Лидо, нальво).
- 2) 74, Av. Mozart. Métro Jasmin.
- 3) 135, rue Gallieni à Boulogne.
- 4) 2, rue Villiers à Neuilly-Levallois.

ПРОДОВОЛЬСТВ. и ВЕЩЕВЫЯ ПОСЫЛКИ ВЪ РОССІЮ

ДЕНЕЖНЫЕ ПЕРЕВОДЫ. Переводы на Торгсина.

ЗЕМСКІЙ СОЮЗЪ

UNION DES ZEMSTVOS RUSSES

73, rue de la Victoire, Paris (9°)

Тél.: Trinité 52-73 et 52-74.

Мétro: Ch. d'Antin et Trinité.

КОНДИТЕРСКАЯ "JULIEN" ПОПРАВКО

Громадный выборъ всевозможныхъ кондитерскихъ издѣлій. Приѣмъ заказовъ съ доставкой на домъ.

Тél.: Ségur 68-27. 25, rue Bosquet (во дворѣ направо) tél.: Ségur 68-27

Ресторанъ "La Buissonnière"

88-bis, Avenue Kléber. Tél.: Kléber 97-13.

ИЗЫСКАННАЯ КУХНЯ

Завтраки..... 22 фр. à la carte

Обѣды..... 25 фр. à la carte

RESTAURANT «CHEZ KORNILOFF»

6, Rue d'Armaillé, prolongement av. Carnot.

Тél.: Etoile 52-49

Ф. Д. Корниловъ проситъ своихъ друзей и многоуважаемыхъ

клиентовъ оказать ему вниманіе посѣщеніемъ его ресторана, гдѣ ихъ ждетъ радушный приѣмъ и изысканный столъ.

РЕВЕЛЬСКАЯ ВОДКА

не стоитъ много дороже... Въ ресторанахъ рюмка этой водки стоитъ отъ 0,50 до 1 фр. дороже другой. Въ магазинѣ — нѣсколькими франками дороже за бутылку. Не экономьте же за счетъ своего здоровья.

Оптомъ: Marc PULIK, 40, rue Bayen, Paris. Tél.: Etoile 56-99.

ПОКУПКА ДРАГОЦѢНН. и ЖЕМЧУГА по наивысшимъ въ Парижѣ цѣнамъ.

Починка и передѣлка

KERESTEDJIAN, 38, rue de Trévis

Tél.: 89-69.

ПАРИКМАХЕРЪ

Хожу на домъ. Стрижка, завивка по 7 фр. mise en plis 10 фр., décolor. 15 фр. Окрас. 30 фр.

B. Gloukhoff, 119, Av. de Clichy. Mar. 28-04.

Гигиена! ДАМСКАЯ и МУЖСКАЯ. Чистота!

ПАРИКМАХЕРСКАЯ

М. Н. Суханова

Въ дамскомъ салонѣ Анаголій Manucure — Soins de beauté INDEFRISABLE (Последніе достиженія въ этой области).

1, rue Auguste-Bartholdi, 1

Métro: Duplex — Tél.: Ségur 67-17 рядомъ съ магазиномъ М. Н. СУХАНОВА.

Прис. Повѣр. **П. С. ШИРСКІЙ**

Бухгалтерскій, юридическій и фискальный кабинетъ

Веденіе торговыхъ книгъ, mise a jour, балансы, отчеты, экспертиза. — Суд. и Админ. дѣла, Учрежденіе Обществъ, Контракты, Натурализация. — Проверка окладныхъ листовъ (бесплатно), Налоговые заявленія, жалобы.

5-7 час. Tél.: Carnot 31-94. rue Barye 5 (17 arr.). Métro: Wagram et Courcelle.

ЛУЧШИИ РУССКО - ЕВРЕЙСКИИ РЕСТОРАНЪ

TABLE D'HOTEL LAFAYETTE-DROUOT.

8, rue de la Victoire, уг. rue Lafayette. Paris 9°. (противъ метро Le Peletier).
Тél.: Trud. 46-44.

Завтраки и обѣды 4 блюда 10 фр. (съ виномъ и приборомъ).

Rex Pressing

Grande Teinturerie de Luxe

67, RUE DE ROME — PARIS (8°)

Métro: Rome - Villiers - Europe - St-Lazare.

Tél.: Laborde 06-61.

Единственная фирма, исполняющая съ абсолютной добросовѣстностью заказы на

ЧИСТКУ и УТЮЖКУ.

ЗА ШЕРСТЯНОЕ ПЛАТЬЕ... 12 фр. 50
» МУЖСКОЙ КОСТЮМЪ 7 фр. 50
» ШЛЯПЫ ОТЪ 7 фр. 50

Мы не сомнѣваемся, что, послѣ перваго заказа, Вы будете нашими постоянными клиентами.

ФРАНЦУЗСКАЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛОТЕРЕЯ

Каждый может сделаться миллионером!

**1 выигрышъ
 въ ПЯТЬ миллионовъ фр.
 15 выигрышей
 по ОДНОМУ миллиону фр.**

20 выигрышей по	500.000 фр.
200 » »	100.000 »
200 » »	50.000 »
2.000 » »	10.000 »
200.000 » »	200 »

Нашимъ читателямъ мы продаемъ всѣхъ выпусковъ

КНИЖКИ (10 билетовъ)	за 1.000 франковъ
Участіе въ 1/10 книжки	» 100 »
» » 1/20 »	» 50 »
(исключая выигрыша въ 200 фр.).	
БИЛЕТЫ: цѣлый билетъ	100 »
1/4 »	25 »
1/10 »	10 »

НА ПЕРЕСЫЛКУ, ПОЧТОВЫЕ РАСХОДЫ И ГЕРБОВЫЯ МАРКИ ВЗИМАЕТСЯ ОТДѢЛЬНО ПО КАЖДОМУ ЗАКАЗУ 5 ФРАНКОВЪ.

Выдача заказываемаго немедленно

СТОИМОСТЬ ПРИНИМАЕТСЯ ВО ФРАНЦИИ ЧЕКОМЪ-ПЕРЕВОДОМЪ, ЧЕКОМЪ ИЛИ ВЗНОСОМЪ НА CHEQUES POSTAUX 671-81, PARIS.

ЛИЦА, ЖИВУЩІЯ ЗА-ГРАНИЦЕЙ И НЕ ИМѢЮЩІЯ ВОЗМОЖНОСТИ ПОСЛАТЬ ФРАНКИ ИЛИ ЖЕ СТОИМОСТЬ ТАКОВЫХЪ ВЪ ДРУГОЙ ВАЛЮТУ, МОГУТЪ НАМЪ ПОСЫЛАТЬ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОЧТОВЫЕ КУПОНЫ С О Ш Т Е М П Е Л Е М Ъ ИЗЪ РАСЧЕТА 1 КУПОНЪ = 1 1/2 ФРАНКА.

Всю корресп. направлять по адресу : «LA RUSSIE ILLUSTREE», 24, rue Clément Marot, Paris (8e).